1B92
B654

ММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Г. ВОЙТИНСКИЙ

КВЖД
И
ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТОВ
В КИТАЕ

*

1930
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

1596891

2В925+327(09)
В 654

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Г. ВОЙТИНСКИЙ

КВЖД
И
ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТОВ В КИТАЕ

★

1596891

Хабаровская краевая БИБЛИОТЕКА

1930
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

1894

ТИПОГРАФИЯ
И ОФСЕТ-ПЕЧАТНЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА»
МОСКВА, СУЩЕВСКАЯ
ДОМ № 21.

ИКА № 584. 4½ л. Статформат А5 148—210 мм

Главлит № А—48594 Зак. № 1507 Тираж 15.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящую брошюру входят статьи, напечатанные в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» по китайскому вопросу и новые статьи, написанные непосредственно в связи с конфликтом на КВЖД. Некоторая переработка прежних статей и добавление новых делают эту брошюру, по мнению автора, актуальной для настоящего времени.

Само собой разумеется, что конфликт на КВЖД является важнейшим событием в международных отношениях СССР и капиталистического мира. Факт захвата дороги, причины, подготовившие его, и обстановка, в которой он совершился, требуют всестороннего освещения.

Независимо от того, как этот конфликт разрешится, он подтверждает, с одной стороны, тезис X пленума ИККИ о том, что в период нарастающих противоречий между империалистами и внутри капиталистических стран война в первую голову угрожает СССР, а с другой стороны, свидетельствует об авантюристической политике китайской буржуазии, не могущей, несмотря на поражение революции, разрешить стоящих перед ней задач и с каждым днем все больше превращающейся в объект и орудие мирового империализма.

На этом конфликте еще раз с большей ясностью выявилась не только позиция социал-демократов по отношению к СССР, но и правых ренегатов и троцкистов, объективно играющих на руку империалистов. Если позиция международной социал-демократии характеризуется как открытое нападение на СССР, как защита палачей китайской революции, при одновременном требовании вмешательства империалистов, в особенности Соединенных Штатов в «разрешение» конфликта, то позиция брандлеровцев и троцкистов характерна в смысле использования конфликта на КВЖД в целях распространения клеветы на Коминтерн и его национальные секции.

В данном случае решительно ничего не меняет то обстоятельство, что, как брандлеровцы, так и троцкисты свое нападение на

Коминтерн прикрывает формальными заявлениями, что они против мукденских и нанкинских захватчиков. Этот маневр рассчитан на то, чтобы скрыть от рабочих масс свою объективную позицию, льющую воду на мельницу международного империализма. Однако, этот маневр может быть легко разоблачен. Брандлеровцы и сочувствующие им одновременно с указанными выше заявлениями резко нападают на Коминтерн за его политику, ориентирующую международный пролетариат на опасность войны вообще и в частности в связи с конфликтом на КВЖД.

Их лейтмотив заключается в том, что ни империалистам, ни китайским милитаристам война сейчас невыгодна, а потому нечего призывать пролетариат к защите СССР. В органе Брандлера «Против течения» от 20 июля в ответ на призывы компартии к рабочим массам говорится:

«Совершенно ошибочно, когда германская коммунистическая партия изображает теперь положение так, как будто СССР непосредственно угрожает война. Такое изображение дела — медвежья услуга СССР».

Точно также ставят вопрос эти ренегаты Коминтерна о 1 августе, который они называют «черным днем КПГ».

Не менее предательски выступают по этому вопросу и троцкисты, основной мотив которых заключается в том, что ЦК нашей партии ответственен за причины, сделавшие возможным захват КВЖД, и что, выступая против китайских милитаристов, троцкисты должны одновременно усилить свою борьбу против ВКП. Последнее на языке троцкистов называется «защитой Октябрьской революции».

Первая статья брошюры относится к началу 1928 года, т. е. к периоду, непосредственно следовавшему за поражением китайской революции. План империалистов и позиция китайской буржуазии интересны для читателя теперь именно тем, что характеризуют активизацию американской политики в Китае и надежды контрреволюционной буржуазии. Уже тогда известный знаток Китая Милярд, являющийся теперь американским политическим советником при гоминдановском правительстве, представлял лицо империализма Соединенных Штатов, улыбающееся китайской буржуазии, обещающее ей поддержку, а Бронсон Ри, который теперь посредничает в Вашингтоне между китайской национальной буржуазией и американскими банками, представлял политику американской твердой руки.

Положение китайской буржуазии к весне этого года, когда, казалось, что происходит известная консолидация сил китайской контрреволюции под руководством Соединенных Штатов Америки, обрисовано в главе «Китайская буржуазия и Гоминдан».

Конфликт на КВЖД, разумеется, должен быть рассмотрен в непосредственной связи с положением китайской буржуазии, с ее борьбой внутри контрреволюционного лагеря за гегемонию и с общей борьбой китайской контрреволюции против рабочего класса и крестьянства.

Известный интерес в этом смысле представляет также борьба внутри Гоминдана между так называемой левой группой (бывшей уханьской [1]) и правящей кликой во главе с Чан Кай-ши.

Отдельно уделено внимание в брошюре вопросу о противоречиях между империалистами в Китае и о их общей наступательной политике. В связи с этим выявлена позиция отдельных китайских генералов, главным образом, Чан Кай-ши и Фын Юй-сяна.

Истории вопроса о КВЖД мы не посвятили отдельной главы, ибо он в достаточной мере уже освещен в ряде брошюр.

В приложении приводятся ноты и документы, связанные с конфликтом на КВЖД, которые опровергают лживую и инспирированную информацию как нанкинской, так и империалистической прессы.

---

[1] Во главе с Ван Цзин-веем.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Интервенционистские планы империалистов и китайская буржуазия	7
Китайская буржуазия и Гоминдан	19
Захват КВЖД и социал-демократия	37
КВЖД и политика империалистов в Китае	48
Документация	58

ИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКИЕ ПЛАНЫ ИМПЕРИАЛИСТОВ И КИТАЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ[1]

Отношения между национальной буржуазией и иностранными империалистами представляют интереснейший вопрос в настоящем положении Китая. Если в недалеком прошлом китайская буржуазия, принимавшая участие в национально-революционном движении, а в известный промежуток времени даже руководившая им, все больше и больше росла, как политический фактор, противопоставляя интересы «народа» интересам империалистов, то в настоящее время даже для иностранной буржуазии ясно, что национальная буржуазия Китая не только не представляет китайского народа, но с каждым днем пропасть между нею и борющимися массами все более и более углубляется. Этим объясняются новые наступательные действия английских, японских, французских и американских империалистов против Китая.

В самом деле, каково было положение примерно год тому назад, когда только сформировался уханьский центр?

Империалисты вынуждены были тогда пойти на известные уступки Китаю. Имея в основных портах страны огромные интервенционистские силы, состоящие из сотни тысяч солдат, нескольких десятков крейсеров, большой флотилии аэропланов, угрожая тогдашнему национальному правительству всей этой вооруженной силой, империалисты тем не менее вынуждены были, в конце концов, санкционировать захват английской концессии в Ханькоу и смотреть сквозь пальцы на ряд других мероприятий, предпринятых национальным правительством по линии ослабления империалистического владычества в Китае, как борьба против иностранного суда в Китае, против муниципалитета в Шанхае и т. д.

В то время империалисты, отступая, стремились добиться одного — каким-нибудь образом поссорить СССР с национальным правительством, поссорить для того, чтобы после этого уже перейти в открытое наступление против национально-революционного дви-

[1] Глава рисует положение в конце 1927 и в начале 1929 г.г.

жения. Государственные деятели империалистических стран, дипломаты и вся мировая буржуазная пресса действовали, главным образом, в этом направлении. Одновременно, путем всевозможных маневров, они старались расколоть и разложить национальный фронт, перетянув на свою сторону национальную буржуазию. Империалистические страны, в особенности Англия, представляли себе дело так, что переход китайской национальной буржуазии на сторону контрреволюции будет означать начало конца революционного движения в стране, после чего с революционными рабочими и крестьянами можно будет сравнительно легко справиться руками китайской буржуазии. Словом, падение национального правительства в том смысле, что уханьский центр перестанет быть руководящим и организующим штабом революционного движения в стране, представлялось империалистическим правительствам, как мечта, осуществление которой положит конец опасности, все больше угрожавшей самому существованию империалистической власти в Китае. Падение же уханьского центра, иначе и не мыслилось ими, как в виде разрыва «национального Китая» с Советской Россией.

С другой стороны, китайская буржуазия уже с весны прошлого года[1], когда через несколько месяцев существования власти Гоминдана во всех провинциях по долине Янцзы-Киянга огромные массы крестьянства поднялись на борьбу против помещиков, чиновничества, милитаристов и империалистов, когда в городах и деревнях руководителем борьбы становился рабочий класс, стала все больше колебаться и искать путей приостановления развивавшегося революционного движения масс. Сначала китайская буржуазия в лице своих левых представителей в Гоминдане наивно предполагала, что прикрываясь интересами единого национального фронта, направленного против империалистов, она сможет добиться поддержки или сочувствия со стороны Коммунистического Интернационала в деле сдерживания мощного процесса революционизирования масс и углубления революции. Китайская буржуазия через Гоминдан маневрировала в этом отношении с величайшим искусством, всегда облекая свои домогательства в левую революционную форму. Этой объективной цели удержания революции на уровне интересов буржуазии нисколько не противоречит и то обстоятельство, что в это же время одна группа китайской буржуазии в борьбе против другой искала сочувствия у Советской власти и китайской компартии, как, например, во время борьбы между уханьским и нанкинским центрами.

Одновременно с этими маневрами по отношению к Советской России китайская буржуазия искала уже путей сближения с импе-

---

[1] 1927 г.

риалистами. Но в то время, как свои маневры по отношению к Советской России она афишировала перед китайскими массами, изображая их, как манифестацию исключительной дружбы по отношению к стране Советов, она скрывала свои отношения к империалистам и открещивалась, делая обиженное лицо, при разоблачениях коммунистов о ее маневрах в деле сближения с врагами китайского народа. Причины такой тактики китайской буржуазии ясны, точно так же, как ясно и то, что она умело маневрировала в период наивысшего подъема национально-освободительного движения.

Однако после измены Чан Кай-ши, уханьский центр, ставший перед фактом начавшейся гражданской войны в деревне, вынужден был все больше и больше выбирать между продолжением маневренной политики по отношению к массам и Советской России и между открытым переходом на сторону контрреволюции.

В это время китайская буржуазия в лице левого Гоминдана представляла себе дело так: если она пойдет на уступки по отношению к империалистам и милитаристическим кликам Севера и феодально-помещичьим чиновникам и помещикам на своей территории, то нажим на нее со стороны последних ослабится, и тем легче она сможет справиться с рабоче-крестьянским движением. Уже с апреля прошлого года уханьский центр конкурировал в правизне с Нанкином, Уханьский центр и ЦК Гоминдана, конечно, не представляли себе, что они в результате измены революции неминуемо станут лишь одной из частей контрреволюционного блока, и что политика их после этого уже не будет определяться лишь интересами и волей класса, который они представляют. Они предполагали, что путем уступок контрреволюционным силам они смогут продолжать борьбу и против рабоче-крестьянских масс и против милитаристов, феодалов и империалистов. Победа нанкинского центра над уханьским фактически свершилась уже в апреле прошлого года, за 4 месяца, следовательно, до военной победы первого, ибо политика уханьского центра весной и летом прошлого года была именно такой, как изложено выше. Это была та политика центристов в Гоминдане, которая проводилась Чан Кай-ши во время известного мартовского выступления против левого Гоминдана в 1926 году.

Что же получилось в результате всей этой политики уступок империалистам и реакционным силам страны?

Китайская буржуазия стала перед фактом не меньшего, а большего наступления империалистов на страну. Разгром революционных центров рабоче-крестьянского движения, временное пораже-

ние революции, в результате измены со стороны буржуазии, сделали политику империалистов по отношению к Китаю еще более наглой, более агрессивной. Да это и весьма понятно. Ибо, если раньше империалисты надеялись, что с изменой национальной китайской буржуазии последняя сможет сама справиться с революционным движением и создаст для себя и для иностранной буржуазии устойчивое положение в Китае, то теперь с каждым днем становится все более очевидным факт жизненности революции, направленной как против национальной буржуазии, так и против империалистов. И если в прошлом году империалистическая интервенция была направлена против национально-революционного движения в целом, то теперь она направлена против рабоче-крестьянского движения, что не может не означать более опасной и глубокой формы наступления империалистов против Китая.

Логика дальнейшей политики китайской буржуазии в такой обстановке неминуемо будет тянуть ее по линии все больших и больших уступок, а, следовательно, все большего и большего наступления по отношению к ней со стороны ее новых империалистических «друзей».

В буржуазной китайской прессе все более обычным становится тон обманутых надежд китайской буржуазии. Весна сближения с империалистами отцветает, не успевши расцвесть. Не помогают клятвы Чан Кай-ши перед лицом интервентов, что «разрыв с Советской Россией открыл новую фазу в развитии национальной революции». [1].

Политику открытого сближения с империалистами и получения известных выгод уже сейчас может себе позволить лишь такой провинциальный сатрап, как Ли Ти-син в Гуаньдуне [2], и то. главным образом, потому, что Кантон, экономически связанный с Гонконгом, зависит теперь больше всего от английских империалистов. Если такого рода отдельные моменты, как начавшиеся переговоры между Кантоном и Гонконгом, опустить, а взять вопрос об отношениях между империалистами и китайской буржуазией в целом, то за последние месяцы [3] можно видеть наступление империалистов решительно по всему китайскому фронту.

С другой стороны, в результате своей измены революции китайская буржуазия не только не объединилась, а наоборот — борьба отдельных группировок внутри ее возгорелась с новой

---

[1] «Peking Tientsin Times» от 20 янв. 1928 г.

[2] В 1929 г. в марте во время III съезда Гоминдана, на котором Ли Ти-син являлся председателем комиссии по принятию революции, он был арестован, как союзник гуаньсийцев.

[3] Начало 1928 г.

силой. В настоящее время [1] мы имеем борьбу нанкинской группы против гуаньсийской, внутри же последней произошли также отколы; бывшие же войска Тан Шен-чжи частью восстали и присоединились к революционным рабоче-крестьянским отрядам, частью перешли на сторону гуаньсийцев, а кантонские войска Чан Фу-гуя борются против войск Ли Ти-сина. Это все по одну сторону долины Янцзы-Киянга, в южном и центральном Китае. На севере же продолжается борьба Ян Си-шана и Фын Юй-сяна против Чжан Цзо-лина. Хотя отношения между первыми двумя генералами и нанкинской группой формально являются дружественными в том смысле, что они совместно выступают против северных милитаристов, тем не менее они не могут считаться силами одного и того же центра.

Такое положение вещей, конечно, не ослабляет, а усиливает интервенционистские стремления и возможности империалистов в Китае.

И, действительно, если следить внимательно за политикой хотя бы важнейших трех стран — Англии, Японии и Америки — в Китае, то можно, не опасаясь впасть в ошибку, констатировать снова твердую политику подготовки к новым захватническим актам и к новому закреплению их позиций в Китае.

Вот что говорит о возможности интервенции в Китае один из лучших знатоков этой страны, известный Милярд в журнале «Айшия» за февраль 1928 г.:

«В то время, как народам в Америке, в Японии, Великобритании и в Европе говорят официально и неофициально, что в Китае интервенции не будет, некоторые власти, представляющие перечисленные страны в Китае, верят, что только интервенция является действительным способом разрешения китайской проблемы, и для проведения ее работают теперь могущественные силы».

Далее автор говорит о том, что «интересно вспомнить, что в тот период (до мировой войны), когда правительства были застрельщиками интервенции, те элементы, которые теперь за нее, были либо безразличны, либо против последней. Элементы, желающие теперь интервенции в Китае — это те, кто представляет коммерческие и финансовые интересы Великобритании и Америки». Затем следует короткое и ясное объяснение: «Иностранным коммерческим и инвестиционным интересам не угрожала тогда (до войны) опасность нападения ни с какой стороны. Пересмотр договоров представлялся делом далекого будущего, никто не предвидел такого быстрого и совершенного удивительного развития китайского национализма». Говоря о том, что в империалистических странах распространено мнение, будто часть китайской буржуазии

[1] Начало 1928 г.

настроена в пользу интервенции, боясь распространения большевизма, автор категорически опровергает существование оснований для такого мнения, но все же заявляет, что если такие настроения и существуют в Китае, то разве лишь среди той части буржуазии, которая имеет собственность на иностранных концессиях или вклады в иностранных фирмах и предприятиях. Эта часть буржуазии боится уничтожения существующих для иностранцев привилегий в Китае, ибо с уничтожением этих привилегий она потеряет большие достояния».

Разумеется, что для нас в словах автора ничего нового нет, но эти откровенные рассуждения очень характерны для данного периода в Китае, когда вопросы об интервенции получили полное гражданство в публицистике. Переходя к существу вопросов, автор заявляет следующее: «Аргументы за интервенцию проистекают из двух оснований: а) в защиту иностранных «прав и интересов»; б) в защиту самих китайцев. Иностранные права и интересы в Китае могут быть грубо характеризованы под тремя наименованиями: инвестиция, торговля и специальные привилегии. Анализируя содержание этих трех китов империалистической заинтересованности в Китае, автор приходит к некоторым интересным выводам. Общее мнение таково, что вложенный иностранцами капитал, включая все займы Китаю и ценность всего того имущества, которое идет под иностранным флагом, составляет около 4—5 млрд. долларов. Однако такие исчисления, по мнению Милярда, неправильны. Если взять например имущества духовных миссий: школы, церкви и госпитали, ценность которых равна многим десяткам миллионов долларов, то эти суммы не могут считаться лишь вложениями иностранных капиталистов, ибо в основном они были собраны у многих жертвователей по небольшим суммам, а во-вторых, земли для построек, а отчасти и деньги давались самой китайской буржуазией. Вторая статья — это китайские иностранные займы. Общая сумма этих займов, которые по существу представляют ценные бумаги Пекинского правительства за разное время, гарантированные подписями иностранных банковских дельцов и распространенные в основном среди иностранцев, составляет 700—800 млн. долларов. «Эти бумаги были обеспечены доходами китайского правительства, последние же находятся под контролем и административным управлением иностранцев, которые собирают доходы и после отчисления процентов погашения по частям иностранного займа (амортизация) излишки отдавали китайскому правительству». И хотя эти займы были аппробированы иностранными правительствами, что «как-будто возлагает моральную ответственность на последних за надежность сделки», тем не менее, автор считает, что «эта ответственность одна из тех, которую правительства вольны сохранять или отклонять. Для американского пра-

вительства, например, общее правило таково, что граждане, инвестирующие капитал в иностранных государствах, делают это за собственный риск». Но не таково, конечно, положение в отношении Китая. Империалистические правительства в данном случае твердо стоят на страже своих «моральных обязательств». Автор эпически повествует: «Если одалживающая нация — слабая, то могущественные правительства, гарантирующие займы, могут почувствовать свои моральные обязательства очень сильно и принимать все меры, чтобы заставить должника платить».

Дальше следует характеристика третьей части — иностранных инвестиций в Китае. Эта часть статьи старого знатока Китая заслуживает того, чтобы ее привести почти полностью:

«Недвижимое имущество иностранцев состоит из земли, зданий, общественных учреждений, производственных и коммерческих предприятий, ценных бумаг, выпущенных иностранными муниципалитетами, и, наконец, из имущества банков, клубов, транспортных предприятий и т. п. Даже не считаясь с фактом, что подобные инвестиции во многих странах спекулятивны и что невозможно заранее сказать, каково будет влияние меняющегося политического положения, надо в данном случае сказать, что весьма возможно, что процент инвестиций, идущих под названием «иностранных», а на самом деле принадлежащих китайцам, куда выше, чем можно себе представить, и, что если бы инвестиции этого характера были бы уничтожены, то большая часть потерь пала бы на долю китайцев.

Условия, в которых имущество, принадлежащее китайцам, числится в качестве иностранного имущества, являются одними из тех многих аномалий, которые выросли из отношений между иностранцами и китайцами. Земля в большинстве иностранных концессий регистрируется под иностранными именами, ибо иностранцы выступают, как доверенные китайских владельцев. Этот обычай вырос из тех условий, когда в Китае стали впервые выделять территорию для местожительства иностранцев. Затем китайцы стали также селиться на этих концессиях для коммерческих целей, а позднее, когда в Китае начались гражданские войны и беспорядки, китайцы искали убежища на иностранных концессиях. Но для этого необходимо было расширять территории концессий все больше и больше. Когда концессии перенаселялись, то стоимость земельных участков неимоверно и постоянно возрастала. С другой стороны, богатые китайцы, уклоняясь от платежа налогов, регистрировали свои участки под иностранными фирмами. Через известное время такой способ «защиты» богатых китайцев от гражданских войн и налогов своего же правительства стал выгодным предприятием для многих иностранных фирм, которые являлись доверенными для тысячи китайских купцов и номи-

нальными держателями китайского имущества огромной ценности.

Нечто подобное произошло и с коммерческими и индустриальными предприятиями. По мере развития торговли с иностранцами, когда в Китай были импортированы новые товары и новые идеи и в Китае стала развиваться современная индустрия, китайцы нашли, что их старые методы работы не соответствуют современным деловым отношениям. Китайцы стали организовывать компании под иностранным руководством и при иностранном содействии. Великобритания первая усмотрела в этом положении для себя большие возможности и издала закон, по которому компании в Китае могут числиться под британским флагом, если они имеют английских директоров и управляющих. Другие правительства больших стран последовали этому примеру. Правительство Соединенных Штатов последнее стало на этот путь, издав в 1922 г. акт о китайской торговле. По этим законам китайские или иностранные предприниматели могут, собрав капитал для любого дела, регистрировать его в качестве иностранной корпорации. В таком предприятии может не быть ни одного доллара иностранного капитала, что часто и имеет место, однако, подобные компании включены в общее число предприятий, представляющих якобы иностранную инвестицию. Если же такого рода предприятия проваливаются коммерчески или благодаря политическим событиям, то вся потеря падает исключительно на китайцев».

Эта характеристика «скрывающейся» под иностранным флагом китайской буржуазии чрезвычайно важна, но, к сожалению, автор не приводит хотя бы приблизительных цифр, которые дали бы представление об экономическом значении этого интересного факта.

Касаясь торговли империалистических стран с Китаем, Милярд дает несколько цифр, указывающих на то, что за первую четверть 1927 г. Америка в своей торговле с Китаем превзошла относительно Японию и Англию: общая сумма американской торговли за эту четверть года равна 80 млн. долларов. Однако он не считает, что интересы иностранной торговли могут служить существенным аргументом для интервенции. Перечисляя все элементы, входящие в понятие «иностранные интересы в Китае», Милярд почему-то не включает железные дороги и водный транспорт, находящиеся преимущественно в руках иностранцев.

На основе всей изложенной выше заинтересованности иностранцев в Китае Милярд анализирует всевозможные формы интервенции. Ставку на «сильного человека» он считает теперь уже невозможной. Такая ставка бита, по его мнению, не только в отношении Чжан Цзо-лина или У Пей-фу, но и в отношении Чан

Кай-ши и Фын Юй-сяна. Остаются две формы интервенции (не считая, конечно, постоянно проводимой интервенции путем повсеместной поддержки реакции в стране): первая — захват иностранными войсками важнейших портов в Китае (отчасти это уже имеет место), оставляемыми там до окончания гражданской войны. И вторая форма — интервенция с «конструктивными целями», т. е. проникновение вглубь страны, разгром революционных очагов и создание надежной власти в Китае. Военные эксперты, согласные с Милярдом, уже вычислили, сколько для этого нужно войск и какие для этого потребуются суммы денег. Для «конструктивной» интервенции понадобилось бы от 300 до 500 тыс. войск. Стоимости такой интервенции автор точно не определяет, но указывает, что китайцам пришлось бы выплачивать расходы, примерно, в продолжение 30 или 40 лет, причем иностранные державы добились бы выплаты этих сумм путем удержания контроля над доходами китайского правительства. Автор считает, что интервенция могла бы финансироваться только Соединенными Штатами, ибо ни Англия, ни Япония, ни Франция средств для этого не имеют. Таким образом, Америка была бы фактическим вдохновителем интервенции даже если бы сама непосредственно и формально не принимала участия в военных действиях.

В нашей прессе уже не раз отмечалось, что о политике империалистов в Китае, как и вообще в колониях, лучше всего судить не по прессе метрополий, а издающейся в самих колониях. Интересно в связи с данным вопросом послушать непосредственного представителя американского капитала в Китае. В декабрьском номере[1] известного журнала, издающегося в Шанхае «Far Eastern Review» напечатана речь национального коммерческого советника американской торговой палаты, Бронсона Ри, произнесенная им на очередном съезде торговой палаты Соединенных Штатов в октябре 1927 г. в Индиане:

«Для будущего роста и благосостояния нашей страны абсолютно необходимо, чтобы американские представители делового мира остались в Китае и вели наши дела. Ибо Китай является величайшим потенциальным рынком мира. Нам придется все больше и больше поворачиваться к Дальнему Востоку, чтобы сбывать нашу продукцию и инвестировать наш капитал. Мы вынуждены итти в Китай потому, что китайцы не придут к нам. До последнего времени китайцы открыли лишь одну ответственную импортную и экспортную фирму в Америке, чтобы иметь непосредственно дело с нами. У китайцев нет еще аппарата для внешней торговли, поэтому нам необходимо иметь свои каналы для работы с Китаем, иначе мы должны будем передать наше пред-

[1] 1927 г.

ставительство англичанам и японцам, которые уже теперь продают 50% нашего экспорта в Китае. Я слышал заявление японского генерального консула в Нью-Йорке, который уверял, что около 40% американского экспорта в Китай покупается японскими фирмами в Нью-Йорке для японских предприятий в Китае. Таким образом, фактически половина нашего экспорта в Китай находится в руках японцев, обслуживающих Китай в деле постройки железных дорог, копей, сахарных заводов и других производственных предприятий в Китае».

Развивая далее свою мысль о необходимости для Соед. Штатов расширить свое влияние в Китае, почтенный оратор выбалтывает настоящие взгляды американских деловых кругов на доктрину «открытых дверей», как ее понимают в Америке теперь, после временного поражения китайской революции: «Мы говорим о пересмотре договоров, но очень немногие понимают, что это значит. Пересмотр существующих договоров должен привести к полному суверенитету китайского правительства во всех отношениях и в особенности в деле заключения договоров и автоматически убивает доктрину «открытых дверей». Наша торговля и все наше положение в Китае тогда будет определяться договорами наибольшего благоприятствования. Китай сможет тогда применить свой полный суверенитет по отношений к договорам, к займам, концессиям, предприятиям, от которых Америка в такой большой степени зависит в своей будущей торговой экспансии в Китае. Китай сможет одалживать средства у кого пожелает, давая в обеспечение займодавцу, что для него более приемлемо, не допуская какого бы то ни было вмешательства со стороны нашего правительства или какого бы то ни было другого правительства, несмотря на то, что условия договоров Китая с соответствующей страной могут противоречить принципу равных возможностей. Пересмотр договоров означает уничтожение доктрины «открытых дверей» и уничтожение нашего права вмешиваться в китайские дела. В случае пересмотра договоров мы должны или передать наше руководство тем нациям, которые имеют большую коммерческую силу в Китае, или решиться на другую политику, которую необходимо поддерживать силой с тем, чтобы наше выгодное положение в Китае осталось бы в наших руках».

В том факте, что Америка вложила в Китай незначительные капиталы по сравнению с Англией и Японией (по данным этого крупного дельца общая сумма английских инвестиций в Китае составляет 1¾ млрд. долларов, японских — $1^{3}/_{10}$ млрд. долларов, а американских—всего 160 млн.), Бронсон Ри видит опасность для американских интересов, ибо «наши вклады в Китае действительно слишком малы, и когда станет вопрос о пересмотре существующих договоров, наши позиции будут очень слабыми, по сравнению

с позициями тех наций, инвестиции которых превосходят в 10 раз наши». Более наглой и откровенной интерпретации того, что подразумевает деловой мир Америки под пересмотром существующих договоров, нельзя себе представить. В переводе на обыкновенный язык, то, что сказано по поводу малых вкладов Америки, означает, что в конце концов Китай будут делить на сферы влияния пропорционально существующей «заинтересованности» соответствующих великих держав. В заключение сей муж знаменательно угрожает: «Из того, что я успел изучить здесь (в Америке) за последние несколько дней относительно целей и стремлений данной организации (американская торговая палата), я убедился, что в вашем лице американская торговая колония в Китае имеет могущественного и действительного руководителя, который, когда перечисленные вопросы будут поставлены на разрешение, а они могут стать уже в эту зиму, придет к нам за помощью. Мы смотрим в вашу сторону».

Чего только нет в этой речи откровенного американца: тут и завистливые нарекания по отношению к Японии, более успешно захватившей китайский рынок, и негодование по отношению к Японии и Англии, успевшим в прошлом более солидно разместиться в Китае со своими миллиардными капиталами. И хотя все это у коммерческого советника изложено довольно грубо, без прикрас, без ханжества и дипломатии, но зато представляет в программной форме то, что в данное время тревожит умы американских империалистов. В этом отношении приведенные мысли «одного из многих» без сомнения характерны для данного периода, ибо еще год тому назад он не осмелился бы говорить так откровенно. Тогда ставился, главным образом, вопрос о реализации обещаний Вашингтонской конференции, снова поднимался вопрос о финансовом консорциуме, о таможенной автономии; тогда был курс действовать мягкими мерами, спрятав политику «твердой руки».

Китайская буржуазия надеялась путем уступок империалистам и разрыва с СССР еще более смягчить эту политику. Получились же результаты совершенно обратные. Усиление японской агрессивности в Манчжурии и откровенных домогательств с ее стороны по отношению к внутренней Монголии перестали уже быть острым вопросом для китайской дипломатии и сенсацией для китайской прессы.

Англичане отобрали решительно все уступки, сделанные ими под давлением революционных масс в прошлом году. Они теперь, конечно, не намереваются играть либеральными декларациями, как в декабре 1926 года.

Пророчества мистера Ри о возможности вооруженной интервенции Китая зимой 1928 г. не оправдались. Угроза «конструктивной» интервенции висела над Китаем во все годы революции,

начиная с знаменитого шанхайского выступления рабочих в 1925 г. Но реальные возможности ее проведения менялись. Причем, как показал опыт, подъем национальной революции заставил империалистов несколько отступить, а временные поражения и углубления революции создают возможности новых агрессивных действий империалистов.

Однако противоречия между империалистами продолжают играть большую роль. Теперь можно больше, чем раньше, видеть, что основная тенденция этих противоречий лежит между Америкой, с одной стороны, и Англией и Японией — с другой. Эти противоречия развиваются на фоне все большей активности Соед. Штатов, выражающейся пока лишь в подготовительных действиях. Такое подразделение империалистического лагеря (в смысле основных его сил) создает некоторое равновесие в Китае.

С другой стороны, хотя фронт реакции и контрреволюции в Китае состоит из империалистов, китайских милитаристов, помещиков и буржуазии, тем не менее ни китайская буржуазия, ни китайские милитаристы не объединены и тяготеют к разным сферам империалистического влияния.

Но главное, что приходится учитывать империалистам при своих интервенционистских планах, это все более развивающиеся крестьянские восстания и восстания в армиях милитаристов. В Китае создается новая военно-революционная сила из крестьянских отрядов и переходящих на их сторону восстающих солдат. Империалисты не могут не представлять себе огромных трудностей борьбы в глубине страны с крестьянскими армиями, поддерживаемыми всей массой народа. Это совсем не то, что вести борьбу даже против представителей национальной буржуазии в лице генералов Гоминдана.

Развитие и углубление китайской революции, усиливая угрозу империалистической интервенции, одновременно создает новые и новые силы для сопротивления последней.

КИТАЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ГОМИНДАН

За последние два года Гоминдан эволюционировал в сторону превращения в партию китайской буржуазии, борющуюся в общем контрреволюционном лагере за свою гегемонию под руководством империалистов, главным образом США.

Главными материалами, на основе которых можно судить о том пути, который проделала китайская буржуазия с момента ее измены национально-революционному движению, являются материалы III съезда Гоминдана, происходившего в конце марта текущего года.

Если просмотреть все доклады и резолюции, а также прения, происходившие на этом съезде, то станет ясно, что III съезд Гоминдана — это программный съезд китайской буржуазии.

Но, говоря это, с л е д у е т с самого начала подчеркнуть, что он является программным с точки зрения чаяний и стремлений китайской буржуазии, но не в смысле действительных возможностей проведения этой программы в жизнь.

На съезде были выпукло очерчены основные задачи, разрешение которых ставит перед собой китайская буржуазия. Первое — объединение страны: политическое, военное и административное; второе — известное разрешение аграрного вопроса; третье — развитие промышленности и торговли (сюда входит жел.-дор. управление и строительство, строительство дорог и улучшение водных путей сообщения, централизация денежной системы), и, наконец, — подчинение рабочего класса, совершеннейшее связывание его, — чтобы вне непосредственного руководства Гоминдана не могло быть самостоятельного рабочего движения.

Что же касается политической независимости Китая от империалистов, даже в смысле лишь уничтожения неравных договоров, являющихся основным препятствием к самостоятельному капиталистическому развитию Китая, то в этом вопросе китайская буржуазия устами III съезда уже капитулировала перед империалистами, ибо заявила, что лишь после объединения страны и «успокоения» возможно добиться отмены неравных договоров, т. е. повторяет основные аргументы империалистических правительств по этому вопросу.

Все эти пункты сформулированы не так ясно, как изложены здесь, а проходят через ряд туманных деклараций специфического характера, носящих отпечаток социальной зависимости и переплетения китайской буржуазии с феодалами и помещиками. Той самой буржуазии, которая, с одной стороны, борется за свое руководство в блоке помещиков, компрадоров и бюрократии бывшего мандарината, а, с другой, носит еще отпечаток революционной фразеологии, того недавнего периода, когда она через Гоминдан была гегемоном национально-освободительного движения страны.

Посмотрим же, что говорят сами гоминдановцы о своих достижениях за последнее время. Приведу выдержку из отчета центрального политсовещания (Политбюро) Гоминдана, зачитанную на III съезде Тан Ен-каем.

«В области внешних сношений, согласно неоднократным декларациям партии и правительства, 25 июля 1928 г. был подписан новый таможенный договор между Китаем и США. После подписания этого договора в Пейпине, 17 августа был подписан договор с Германией. В настоящий момент заново подписаны договоры с теми державами, срок старых договоров с которыми уже истек: Италией, Испанией, Бельгией, Португалией и Данией. Кроме того, заключены новые таможенные соглашения с некоторыми державами, у которых срок договоров еще не истек, а именно: с Англией, Голландией, Швецией и Норвегией. Таможенные тарифы, которые связывали нас свыше 80 лет, были отменены с 1 февраля с. г. Был выработан поступенный таможенный тариф на импортные товары, и сейчас мы начали уже вводить этот тариф. Что касается цзинаньского инцидента между Китаем и Японией и торгового договора об Аннаме между Китаем и Францией, то в этом направлении мы сейчас ведем переговоры. Центр, кроме того, учредил комиссию по внешним сношениям и направил преданнейших товарищей в разные страны в качестве послов национального правительства.

Была созвана финансовая конференция и опубликовано введение в силу новых налогов. Был выпущен заем в помощь пострадавшим от стихийных бедствий и далее заем под обеспечение дополнительных таможенных налогов, заем на переформирование армии. Были отменены налоги на керосин и внутренний. Финансы центра и мест были разграничены, был выработан план по постепенному приведению в порядок долгов нашей страны, и упразднен ликин. Были посланы специальные лица во все провинции в качестве уполномоченных министерства финансов, и этим сделан первый шаг к упорядочению всех государственных налогов».

Верно ли то, что говорит здесь Тан Ен-кай, или это является лишь декларацией китайской буржуазии, хвастающейся тем, что она уже успела достигнуть многого после разгрома революции?

Во всей этой декларации верно лишь то, что признание империалистами нанкинского правительства и ведение с ним переговоров как с центральным правительством Китая, по инициативе главным образом США, было шагом вперед для китайской буржуазии, помогающим ей бороться за свою гегемонию внутри контрреволюционного блока. Но, с другой стороны, это формальное объединение Китая, завершившееся занятием Чан Кай-ши Пекина после перерыва Северной экспедиции на год (с апреля 1927 г. по май 1928 г.), вызвало величайшее сопротивление по отношению к Нанкину со стороны всех сил в лагере контрреволюции, которые шли раньше вместе с китайской буржуазией против империалистов и против северных милитаристов. Словом, по первому пункту программы китайской буржуазии, — по вопросу о политическом объединении страны, — формальное признание Нанкина центром вызвало жесточайшую борьбу в контрреволюционном блоке.

Но, само собой разумеется, что вопрос буржуазного объединения Китая не есть лишь «внутренний» вопрос, а является актуальнейшей проблемой политики международного империализма. Борьба же между китайскими милитаристами является поэтому и отражением борьбы между империалистическими странами (в настоящее время главным образом США, Англии и Японии) за свое влияние в Китае.

Но было бы неверно полагать, что китайская буржуазия является лишь пешкой в руках империалистов, которые двигают ее куда и когда им угодно. Такое представление о происходящей борьбе в Китае чрезвычайно упрощает положение и тем самым затушевывает вопрос о расстановке классовых сил в Китае и, в первую очередь, вопрос о китайской буржуазии, борющейся внутри контрреволюционного лагеря за свою гегемонию.

Правильно, конечно, то положение, что китайская буржуазия ведет свою борьбу с помощью и под руководством империалистов, в данный период, главным образом американских; бесспорно также и то положение, что борьбу против рабочего класса и крестьянства она вела и ведет в союзе со всеми реакционными силами страны, опираясь на поддержку всех империалистов. Понятно также, что получать «поддержку» и «опираться» на империалистов не может не означать подчинения Китая этим последним, что, в свою очередь, означает не рост самостоятельного развития капитализма в Китае, а наоборот, рост зависимости китайской буржуазии от мирового империализма. Но не следует забывать, что, являясь объектом по отношению к империалистам, китайская буржуазия борется за установление своей диктатуры внутри страны. И в этом отношении ей помогают в первую очередь империалисты Америки, ибо они через нанкинское правительство, которое

в силу всей логики своего положения вынуждено играть в оппозицию по отношению к империалистам, имеющим «исторические» сферы влияния в Китае (Англия, Япония), могут лучше всего проводить свою борьбу за превалирующее влияние.

Вот почему война Нанкина с гуаньсийцами, а затем назревшая война с Фыном являлись выражением как процесса борьбы китайской буржуазии за централизацию, так и стремления американских империалистов вытеснить Англию и Японию из соответствующих сфер влияния.

И, действительно, к III съезду Гоминдана уже было ясно, что против нанкинского правительства, как претендента на роль главы всей страны будет выступать гуаньсийская группа и Фын Юй-сян. Правда, Фын Юй-сян к III съезду, на который он не явился, прислал телеграмму, интересную с точки зрения взаимоотношений между китайскими милитаристами, перед тем, как они начинают воевать. В этой телеграмме, адресованной Чан Кай-ши, он пишет:

«Третий съезд должен открыться в самое ближайшее время. Надежды всей страны и базис нашего государства опираются на III съезд. Вы являетесь авангардом партии и страны, и на вас возложены упования всех товарищей. Вы руководите массами и управляете всем. Посылаю вам мои искренние приветствия. Я прикован к постели тяжелой болезнью уже долгое время, и на быстрое излечение рассчитывать трудно. Чрезвычайно досадую на это. Однако я отсюда иду вместе с вами и служу партии и стране. Воля центра является моей волей. Надеюсь получить руководящие указания, надеюсь, что никаких препятствий не возникнет. Посылаю настоящую телеграмму, ожидаю ваших поучений».

В это время гуаньсийцы уже выступили против Гоминдана. Зная это, Нанкин, однако отвечает:

«Генерал Лу Чжу-лин передал Вашу телеграмму, из которой узнали, что Вы прикованы к одру болезни, но сердцем находитесь в столице и заботитесь о партии и стране. Передаем Вам свое глубокое уважение. Действительно, партийный комитет, вследствие ряда перемен за последние годы, чрезвычайно разрознен и раздроблен, и это требует совместных усилий для приведения в порядок, объединения и укрепления нашей партии. Мы совершили много ошибок, являемся негодными и вряд ли можем дать что-нибудь съезду. Мы недостойны никакой похвалы. Мы лишь выражаем всеобщие надежды, что Ваше здоровье скоро восстановится и что Вы сможете прибыть на съезд и руководить нами. В этом случае съезд получит правильное направление».

Таким языком продолжают говорить те, кто объективно представляет интересы буржуазии и борется за ее гегемонию в общем контрреволюционном лагере. Язык этот ничем не отличается ни от языка милитаристов — предшественников нанкинского правитель-

ства, — ни от языка тех, кто субъективно мог бы итти по тому же пути, что и Нанкин, но в настоящее время представляет основную силу внутри буржуазно-помещичьего блока, борющуюся против Нанкина, т. е. группы Фын Юй-сяна, Ен Си-шаня и др.

Но представляют ли эти последние объективно интересы феодалов-помещиков, с одной стороны, и всех тех слоев торгово-ремесленного капитала, противящихся развитию крупного капитализма — с другой? Нам думается, что да. Действительно, что представляет собою Фын Юй-сян? Вся его политическая биография говорит о том, что он типичный представитель кулачества и торгово-ремесленного капитализма. Начиная с 1924 г., когда он решился стать на сторону Гоминдана, после длительного периода обособленного существования от «большой политики» китайских милитаристов, боровшихся за центральную власть, Фын выступает в роли защитника богатого крестьянина и торгово-ремесленного люда. Но еще больше он выступает, под видом критики и пропаганды, против буржуазных излишеств, против крупного капитализма. К Гоминдану он относится сверх-осторожно, и, находясь с кантонским правительством в военном блоке с 1924 г., он в партию Гоминдан вступает после долгих колебаний, лишь после своего первого поражения (на севере весной 1926 г.), уже в поезде на пути в СССР. Его отношение к Гоминдану объяснялось, несколькими причинами: первая, нам кажется, заключается в том, что он опасался и воздерживался выходить на всекитайскую арену, ибо не имел перспективы дальнейшего развития; вторая причина — нежелание подчиняться какой бы то ни было чужой дисциплине и третья—боязнь со вступлением в Гоминдан и с принятием ее принципов потерять власть над армией, проистекающая из специфического характера этой армии, похожей на какую-то большую корпорацию старших и младших солдат.

Его «христианская», а потом «народная» (Гоминдзюн) армия до последнего времени носила характер армии, занимающейся не в военное время мирным трудом — главным образом починкой и строением сельских дорог и ремеслами. Сам Фын и его командный состав жили просто, мало отличаясь от солдат. Наказаниям за проступки подвергались одинаково и солдаты и командный состав, вплоть до генералов.

Характер фыновской армии и его политическая биография не могут быть поняты отдельно друг от друга.

Нам кажется, что такая армия и такой руководитель ее стали возможны именно в послевоенный период, которому предшествовало сравнительно быстрое развитие капиталистических отношений (за время мировой войны). Фын тогда вырастает как представитель интересов зажиточных слоев деревни и части торгово-ремесленной буржуазии в городе, которые, имея значительный экономический

вес в стране, не могли не иметь своего политического выразителя (в условиях Китая военно-политического) во время борьбы против феодально-милитаристских сил, управлявших страной.

Фына с этой стороны могло «влечь» к Гоминдану, несмотря на провинциальную ограниченность и прочие перечисленные моменты. Но после измены буржуазии тенденция сопротивления крупно-капиталистическому развитию начинает выступать более сильно, и отсюда возможность блока Фына с гуаньсийцами. Только исходя из такой оценки, можно представить себе, почему Фын Юй-сян одновременно находится в союзе и с гуаньсийской кликой и с группой «левых гоминдановцев» в лице Ван Цзин-вея, Чен Кум-по, Гуо-Мию и др.

И не случайно также, а, наоборот, закономерно то, что Фын, занимавший все время территорию, наименее охваченную крупным капитализмом, стал выразителем указанных тенденций.

Случайно ли, с другой стороны, что нанкинское правительство во главе с Чан Кай-ши и терпением Гоминданом, является выразителем интересов китайской буржуазии, ее организатором и наиболее последовательным врагом рабоче-крестьянских масс? Нет, не случайно. Группа Чан Кай-ши еще со времени Северного похода и даже еще раньше, со времени событий 20 марта 1926 г. в Кантоне, представляла уже центральную политическую организацию китайской буржуазии, боровшуюся в то время за удержание своей гегемонии в общем национально-освободительном движении. Эта группа первая пошла на открытую контрреволюцию, расстреляв в Шанхае в апреле 1927 г. рабочих и возглавив кровавый поход против коммунистической партии и рабоче-крестьянских масс во всей стране. Она же захватила Гоминдан в свои руки, отчаянно борясь за главенство против своих союзников, превратив эту партию, наконец, в непосредственное орудие своей политики. Эта группа пришла на III съезд Гоминдана с буржуазной программой, «обоснованной» принципами Сун Ят-сена, дав клич очистить идеологию Гоминдана от всех элементов, признающих классовую борьбу. Целая система практического социал-реформизма, демагогически обоснованная сунятсенизмом, разработана идеологами этой же группы. Эта же группа, возглавляющая Гоминдан и нанкинское правительство, открыто взяла инициативу в деле соглашательства с империалистами и заняла позицию агрессивных выступлений против СССР.

Имея все перечисленные здесь «преимущества» перед другими военно-политическими группировками китайской контрреволюции, нанкинское правительство и теперешний Гоминдан имеют основание претендовать на роль лидеров буржуазного Китая.

Неверна поэтому та точка зрения, что нанкинская группа потому ведет более буржуазную политику, чем другие, что находится

районе наибольшего буржуазного влияния. Вернее то, что Чан Кай-ши и его группа потому и пришли в этот район (после взятия Уханя осенью 1926 г. северная экспедиция по настоянию Чан-Кай ши направляется на восток, к приморским провинциям, вместо предполагавшегося пути на север), что здесь их действительная социальная база.

Но если вопрос об объективной роли нанкинского правительства сравнительно ясен и объясним историческим развитием Гоминдана, то вопрос о социальном составе борющихся групп внутри контрреволюционного блока в Китае не так ясен, и объяснить причину борьбы их не столь легко.

Однако, одна основная предпосылка может помочь в освещении этого вопроса: не следует забывать, что китайская буржуазно-демократическая революция не закончена и что китайская буржуазия в лице Гоминдана изменила национально-освободительному движению именно тогда, когда оно стало перерастать в аграрную революцию, т. е. буржуазия пошла на путь союза с помещиками и феодалами вместо решительной борьбы против феодальных отношений в стране. Но, хотя буржуазия уже капитулировала перед феодально-милитаристским Китаем (и империалистами), войдя с ним в союз против аграрной революции и отказавшись от революционного разрешения аграрного вопроса, тем самым отказались и от создания «наилучших» предпосылок для развития капитализма, она, однако, не отказывается и не может отказаться от роли руководителя капиталистического развития страны, какими бы «извращенными» и трудными путями это развитие ни пошло. Кроме всего этого, при объяснении причин борьбы внутри контрреволюционного лагеря, нельзя все же упускать из виду и то, что борьба между китайскими военно-политическими группами используется, стимулируется и организовывается империалистами, борющимися за свое влияние.

Но вернемся к III съезду Гоминдана.

Красной чертой через все заседания, декларации и речи представителей нанкинского центра проходит идея о так называемом «воспитательном периоде» сунятсеновских трех этапов: военного, воспитательного и конституционного.

На основании толкований на съезде «воспитательного периода» можно оценить все «своеобразие» сунятсеновских теорий, к которым можно было относиться когда-то, как к утопическим идеям мелкобуржуазного или народнического идеализма, но которые в настоящее время приспособляет для своих целей и делает своим знаменем контрреволюционная буржуазия.

«Воспитательный период» на языке китайской буржуазии — это закрепление политической реакции в стране, это создание спокойствия на основе поражения революции и временной победы над

восставшими рабоче-крестьянскими массами. Воспитательный период — это «сначала успокоение, а потом реформы».

Такое толкование необходимо китайской буржуазии теперь раньше всего и прежде всего для того, чтобы итти навстречу американским империалистам, создавая для них гарантии, необходимые для безопасного вложения капиталов в страну. Теория воспитательного периода должна также содействовать китайской буржуазии при проведении тех минимальных реформ, без которых невозможно ни получить внутренних займов, ни контролировать налоги провинций, ни внести какой-либо порядок в денежную систему, ни реорганизовать армию (съезд постановил даже ввести обязательную воинскую повинность), ни создать минимальные предпосылки для спокойного существования кулачества, не уверенного в том, что отдельные милитаристы и милитаристики не разграбят его в любой день.

Поэтому во всех решительно резолюциях III съезда Гоминдана, о каком бы вопросе ни шла речь, лейтмотивом является: те, кто пытается навязать нанкинскому правительству «гражданскую войну» (подразумевается группа Фын Юй-сяна и других), являются врагами китайского народа и помощниками империалистов (английских, японских).

С другой стороны, Гоминдан называет пособниками врагов китайского народа «левых» гоминдановцев во главе с Ван Цзин-веем, которые болтают о демократических формах государственного управления и гражданских свободах. Правящий Гоминдан правильно рассуждает с точки зрения интересов буржуазии: не может быть речи о том, чтобы ею был допущен буржуазно-демократический строй, это было бы неслыханным облегчением для рабоче-крестьянского движения в борьбе за установление власти демократической диктатуры, это означало бы непосредственный захват власти уже теперь, во многих организациях, созданных и руководимых Гоминданом, и это означало бы раньше всего конец теперешнего Гоминдана, как орудия китайской буржуазии в борьбе за свою диктатуру.

Таким образом китайская буржуазия борется и против феодально-милитаристских клик и против мелкой буржуазии, которых стремится себе подчинить.

И в этом вопросе интересы империалистов в Китае противоречивы. Если США, поддерживая нанкинское правительство и Гоминдан, заинтересованы в том, чтобы Нанкину скорей подчинились другие милитаристские группы и чтобы спокойствие было введено железной рукой буржуазии, ибо это значило бы чрезвычайное усиление американского империализма во всем Китае, то Англия и Япония, зная, что они не могут претендовать на превалирующее влияние во всей стране, заинтересованы в сохранении своих сфер влия-

ния, которые лучше всего можно удержать при децентрализованном Китае, при существовании отдельных военно-политических самостоятельных групп.

Конечно это не означает, что США против междуусобной войны в Китае; наоборот, подчинение Нанкину других групп американцы безусловно форсировали, и война с гуаньсийцами была проявлением активной политики Америки в Китае. С другой стороны, приведенное положение не означает и того, что англичане и японцы не попытаются воздействовать на нанкинское правительство, или взорвать его изнутри. И наконец не исключено, что американские империалисты вынуждены будут «самоограничить» себя на время перед фактом реального соотношения сил между Нанкином и блоком северных милитаристов (Фын, Ен Си-шан и Чжан-Сюэлян), которым помогают всемерно англичане и японцы.

Но общая линия противоречий империалистов в вопросе буржуазного объединения Китая остается такой, как мы ее изложили. Отсюда становится ясным, почему китайская буржуазия в лице нанкинского правительства и Гоминдана возлагает основные надежды в деле окончательного завоевания власти на американских империалистов.

НОВАЯ ПОЛИТИКА САСШ В КИТАЕ.

Между политикой США в Китае после мировой войны и до 1928 г. и ее политикой в настоящее время—большая разница. До весны 1927 г. Америка вела выжидательную политику, часто отступая на задний план.

Действительно, если в 1919/20 г. после мировой войны США стали выходить на международную арену как мощная империалистическая держава, пытаясь соответственно своему экономическому положению влиять на международную политику, то в Китае это отразилось меньше всего. Первый шаг американского империализма был сделан летом 1920 г., когда известная комиссия Лямонта сделала предложение Китаю о консорциуме. Но достаточно было выступить Японии с заявлением, что этот консорциум не может распространяться на Манчжурию и Монголию, чтобы США приостановили свой натиск. Поражением японских империалистов в Китае весной и летом того же года, после разгрома аньфуистов Чжан Цзо-лином, воспользовалась только Англия, а США пытались лишь блокироваться с последней, создавая себе предпосылки для известного влияния в будущем.

Вашингтонская конференция, происходившая в самом начале 1922 г. созванная по инициативе США при известной поддержке Англии и против воли Японии была дальнейшим шагом для расширения влияния Америки в Китае. Но все же результатами

конференции, на которой англо-японский союз 1902 г. был расторгнут, САСШ также еще не смогли в достаточной мере воспользоваться. Немедленно после Вашингтонской конференции вспыхнула очередная борьба между милитаристами (Чжан Цзо-лин — У Пей-фу), и снова побеждает милитаристская группа японской ориентации, а САСШ стоят в стороне, хотя эта победа явно ослабляет их достижения на Вашингтонской конференции. То же самое происходит и в последующие годы, когда в 1924 г. «измена» Фын Юй-сяна своему союзнику У Пей-фу создает положение на севере Китая, которое при активной политике САСШ могло бы быть ими в известной мере использовано. Американское правительство продолжает занимать выжидательную позицию. С момента подъема национально-освободительного движения в 1925 г. и до измены китайской буржуазии национальной революции САСШ продолжают занимать ту же выжидательную позицию, создавая, однако, своим поведением впечатление наименьшей враждебности национальному движению по сравнению с другими империалистами. И лишь после того, как становится совершенно очевидно, что в национально-революционном фронте и в самом Гоминдане происходит раскол и буржуазия начинает переходить на сторону контрреволюции, САСШ начинают активно действовать.

Первый их акт был по форме враждебным Нанкину. Город Нанкин был обстрелян в первую очередь американцами, после занятия его войсками уже изменившего тогда национальному движению Чан Кай-ши.

Но этот же акт в своем продолжении является первой зацепкой американских империалистов для установления сношений с нанкинским правительством, боровшимся тогда против лево-гоминдановского уханьского центра.

САСШ первые берут инициативу признания нанкинского правительства, как центрального правительства Китая. Американские империалисты этим вторым актом вступают в серьезное состязание с английским и японским правительствами за превалирующее влияние в Китае.

Из этих беглых замечаний о политике САСШ в Китае за последнее десятилетие ясно, что теперешний курс САСШ — это новый курс активной империалистической политики, курс захвата всего влияния на нанкинское правительство и распространения его во всем Китае. Уже теперь имеется достаточно данных, подтверждающих это положение. Американские империалисты, начиная с весны текущего года, послали инструкторов и советников нанкинскому правительству «для помощи» во всех отраслях государственной, финансовой и экономической деятельности. Американские инструктора направлены даже для руководства работой Гоминдана. Нет сомнения также в том, что и финансовые инструктора, а не только

военные, сыграли роль в деле форсирования войны с гуаньсийцами. Американские инструктора также настаивали на том, чтобы политические комиссии Гоминдана, которые существуют в разных провинциях, были уничтожены для того, чтобы центральное правительство непосредственно могло хозяйничать в области финансов, административного управления и военных дел в этих провинциях.

Итак, в первом пункте своей программы — в вопросе объединения страны — китайская буржуазия уповает не без основания на поддержку империалистов САСШ. Но активная политика американского правительства в этом деле не только увеличивает и ускоряет сопротивление внутренних сил, борющихся против централизации, но явно питает англо-японский блок, несмотря на то, что противоречия в Китае между этими двумя странами достаточно сильны и возрастают. Эти противоречия заключаются главным образом в том, что за время национальной революции сферы влияния этих двух стран стали упираться друг в друга. Антиимпериалистическая борьба в Китае в 1925—27 гг. своим острием поворачивалась то больше против Англии, например на юге, то больше против Японии, например в Шанхае, и это давало возможность то одной, то другой использовать положение для вытеснения своего союзника. Это тем более понятно, что характер «заинтересованности» Англии и Японии в Китае очень схож—и та и другая главным образом ввозят в Китай товары легкой индустрии и текстиль. И хотя между отношением Японии и Англии к Китаю имеется та существенная разница, что для первой «влияние» в Китае со всеми вытекающими отсюда последствиями для отечественной промышленности и торговли это вопрос жизни и смерти, для второй же Китай представляет одну из важнейших сфер влияния на Дальнем Востоке (потеря которой, правда, может означать начало потерь колоний вообще), однако наступление САСШ их объединяет.

В Китае поэтому англо-американские противоречия, являющиеся теперь основными во всем капиталистическом мире, перекрещиваются с острейшими противоречиями интересов Японии и САСШ.

Все это, вместе взятое, создает на Дальнем Востоке обстановку небывалого кризиса.

Приход к власти новых правительств как в САСШ, так и в Англии и Японии, конечно, ничего не меняет в этих тенденциях. Если приход к власти Гувера ознаменовался «активизацией» американской политики на Дальнем Востоке, что, между прочим, подтверждается назначением бывшего американского генерал-губернатора на Филиппинах, Стимсона, государственным секретарем (министром иностранных дел), то приход к власти рабочей партии в Англии и Минсейто в Японии означает лишь более гибкую политику по

отношению к Китаю, дающую возможность новым правительствам переориентироваться по отношению к военным кликам в Китае и искать путей воздействия на нанкинское правительство изнутри, продолжая неизбежный курс противопоставления Нанкина другим кликам и разжигая междуусобную войну.

«СТРОИТЕЛЬНАЯ» ПРОГРАММА КИТАЙСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Второй пункт программы китайской буржуазии о строительстве и развитии промышленности страны был изложен в виде «программы строительства» известного Сун-Фо, одобренной съездом Гоминдана. И к этому вопрсу нужно подходить, как и к первому, не с точки зрения действительной выполнимости плана, а как к плану, характеризующему стремления китайской буржуазии и рисующему перспективу развития капитализма в Китае, с точки зрения Гоминдана и нанкинского центра.

«Строительная программа» начинается с торжественной декларации: «В области материального строительства китайской республики национальное правительство должно принципиально базироваться на промышленном плане, приведенном в труде покойного канцлера «Методы строительства страны». Правительство должно сконцентрировать все финансовые силы страны, чтобы в кратчайший срок провести в жизнь этот план».

Оказывается однако, что кратчайший период равняется 50 годам буржуазного строительства. Размеры же строительства весьма скромные. Вот краткое перечисление основных пунктов плана и его сметы: на железнодорожное строительство за 50 лет 10 млрд. китайских долларов [1], на шоссейные дороги 10 млн. долларов, на улучшение водных путей сообщения (углубление существующих каналов, покрытие новых и другие работы) и на расширение и установку новых радиотелеграфных и почтовых сетей—1 900 млн. долларов. Всего, значит, на пути сообщения—21 900 млн. долларов.

На все остальное «строительство республики» за 50 лет предполагается потратить 2 100 млн. долларов. Сюда входит постройка трех новых океанских портов, «по типу Нью-Йорка», как сказано в программе Сун-Фо, постройка городов у конечных пунктов жел. дорог, строительство электростанций.

Из этой суммы на развитие основной промышленности (4 крупных сталелитейных завода, 5 цементных заводов и 5 химических заводов) уделяется 300 млн. долларов. Зато на заселение Монголии, Манчжурии, Синдзяна, Кукунора и Тибета предполагается истратить 1 млрд. долларов из расчета по 100 рублей на каждого из 10 млн. переселенцев. Весь этот план, требующий 25 млрд. долларов, разбивается на десятилетия, и каждое из них должно поглотить

[1] Китайский доллар равняется нашему рублю.

5 млрд., десятилетия разбиваются на годы, и соответственно смета на 1 год выражается в 500 млн.

Характерно, что даже в этом плане горному делу, которое должно быть основой для промышленности, уделяется лишь 5 млн. долларов, а сельскому хозяйству также лишь по 5 млн. в год.

Весь этот план вне зависимости от его выполнения лучше всего свидетельствует о том, что китайская буржуазия уже с самого начала подчиняет интересы страны интересам международного империализма, ибо не рассчитывает на строительство независимой промышленности. Не сюда она направляет свое внимание, а предполагает еще в продолжение полувека заниматься лишь развитием путей сообщения и торговли, как раз того, что требуется от Китая в качестве аграрного хинтерланда для империалистов.

Сельскому хозяйству, находящемуся в неуклонной деградации, состояние которого угрожает всему народному хозяйству,—не уделяется почти никакого внимания в этой программе.

Если прочесть последнюю часть программы, которая кратко называется «Откуда взять деньги», то станет ясна природа перечисленных сметных статей. Оказывается, что из 500 млн. долларов в год на строительство 200 млн. будут являться «ежегодным займом у иностранного капитала», 100 млн. от внутренних займов и 200 млн. отчислением от государственного бюджета. Но последний, пока не уничтожены торговые договоры, также стоит в прямой зависимости от империалистов. Таким образом вся строительная программа не может не приспособляться к интересам «иностранных» держав,— которые в первую очередь заинтересованы в налаженных путях сообщения, как и в любой колонии. Разумеется, что при настоящем положение вещей вряд ли империалисты дадут денег и для такого плана, но он характерен именно как строительный план китайской буржуазии, вынужденной приспособляться к интересам своих хозяев-империалистов.

ГОМИНДАН И АГРАРНАЯ РЕФОРМА

К вопросу об аграрных реформах, необходимых китайской буржуазии в целях получения хоть какой-нибудь базы в китайской деревне для успешной борьбы с растущей опасностью крестьянских восстаний и для развития товарооборота в стране, Гоминдан не может по существу даже подойти, — ибо здесь требуется раньше всего огромная ирригационная, агрикультурно-техническая и строительная помощь сельскому хозяйству, пережившему за время гражданской войны и переживающему сейчас неслыханный кризис. А налоги и грабежи крестьянства со стороны всевозможных военных клик за последние два года поражения революции увеличились во много раз. Дело доходит до того, что в некоторых провинциях налагают налог решительно на все, начиная от налогов, за то, что не

сеют опиума, и кончая налогами на старую бумагу. Жестокий голод этого года, охвативший ряд провинций, где погибают десятки миллионов крестьян, неимоверно усугубил это положение. Одновременно во многих провинциях, где волна революционного движения была особенно высока в период революции, происходят неслыханные репрессии по отношению к крестьянам со стороны джентри и помещиков, «пострадавших» в 1926/27 гг.

При свете этих фактов смехотворным является план «грандиозной» реформы, которую Гоминдан собирается провести согласно сунятсеновскому принципу уравнительности. Особенно же бьет в глаза несуразность такой демагогии именно теперь, когда на всех несчастьях китайского крестьянства растет кулачество и ростовщичество, и диференциация в деревне углубляется.

Однако и рост кулачества китайская буржуазия не сможет использовать в достаточной мере, ибо «привилегии» джентри и помещиков не только не сломлены, но во многих местах укрепляются, и формирующаяся деревенская буржуазия не имеет возможности «естественно» развиваться. Милитаристы же и богатые джентри будут стричь (и стригут) и грабить их, как и теперь. Вопрос о китайском кулачестве поэтому является одним из важнейших вопросов для китайской буржуазии: с одной стороны, кулачество уже и теперь, вследствие диференциации, идет с помещиком против крестьянства и в этом отношении является опорой Гоминдана в деревне, а, с другой, росту кулачества и его развитию мешают те же помещики и милитаристы, в союз с которыми вступила буржуазия, хотя и борется за гегемонию в этом союзе. Ко всему этому нужно добавить еще и то, что китайская буржуазия сама еще значительно связана с феодальным землевладением.

Поэтому единственное, что китайская буржуазия могла пообещать кулачеству на III съезде Гоминдана—это деревенское самоуправление, т. е. возможность для кулачества получить известную политическую власть. Но это, конечно, является пока опять-таки лишь программным обещанием, ибо Гоминдан далеко не является хозяином в китайской деревне.

А между тем Гоминдан пытается усмирить крестьянство не только репрессиями. Эта партия, имевшая еще два с лишним года тому назад поддержку миллионов крестьянства, продолжает играть в реформизм, вводя или лишь обещая в некоторых местах снижение арендной платы на 15-20%, что при невыносимом положении арендаторов может дать им известное облегчение. Этим путем Гоминдан на известное время может добиться в некоторых местах нужных ей результатов. Но в общей массе крестьянство настроено враждебно к Гоминдану и борется против него, как и против всех милитаристов, путем восстаний, а китайское кулачество видит в лице революционного крестьянского движения своего врага.

ГОМИНДАН И РАБОЧИЙ КЛАСС

По отношению к рабочему классу Гоминдан ведет исключительно политику обуздания как путем непосредственных репрессий, разгрома революционных рабочих и профессиональных организаций, отбирания тех завоеваний которые рабочий класс сделал во время подъема революции, так и путем теории и практики социал-реформизма через созданные Гоминданом монополистические профессиональные союзы. В этом вопросе «левые» гоминдановцы, болтающие о борьбе с нанкинцами, на самом деле являются наилучшими помощниками Нанкина, ибо имеют возможность теперь, когда официальный Гоминдан все больше разоблачается среди рабочих масс, спекулируя на своей оппозиции, реабилитировать Гоминдан. И действительно, «левые» гоминдановцы теперь уже во многих крупных центрах (Шанхай, Тянь-Цзин и др.) начинают приобретать превалирующее влияние в гоминдановских профсоюзах, вытесняя нанкинцев. Интересно отметить, между прочим, что на севере Китая, где нанкинское влияние слабо, рабочее движение не так свирепо, не так организовано преследуется, как на территории нанкинской власти. Вследствие этого, а отчасти и потому, что рабочее движение на севере еще не успело развернуться во время революции 1925/27 г., север Китая, и даже три восточных провинции, переживают теперь относительно большое оживление рабочего движения. Вообще же нет сомнения, что рабочее движение в Китае, подвергавшееся в течение последних двух лет неслыханным репрессиям, начинает переходить в полосу подъема.

Доказательством этому служит довольно широкая волна забастовок, охватившая ряд крупных промышленных центров (Шанхай, Гонконг, Тянь-Цзин, Учан и пр.) в продолжение второй половины 1928 г. 1929 г. И как размах этих забастовок, так и боевой характер их и высокий уровень классовых требований свидетельствуют о том, что депрессия, имевшая место непосредственно после поражения революции, отходит уже в прошлое и заменяется совсем другими настроениями в рабочем классе, настроениями, предвещающими приближение нового подъема революционной борьбы.

И действительно июльские демонстрации в Шанхае, Тянь-Цзине и даже Пекине, а затем выступления 1 августа не могут не считаться важнейшими симптомами этого нового подъема.

Тем более характерно, что съезд Гоминдана ничего не мог сказать по рабочему вопросу, повторяя лишь невнятные обещания о проведении в жизнь постановлений Гоминдана от 1924/26 г. Разумеется, что рабочие массы не только этому не поверят, но вряд ли эти обещания дойдут да рабочих масс, ибо гоминдановские чиновники, соприкасающиеся с массами в «казенных» союзах, даже там не осмелятся ссылаться на программу Гоминдана от 1924/26 г., справедливо считая ее для теперешнего Гоминдана не-

приемлемой, могущей лишь мобилизовать массы против казенных профсоюзов и гоминдановского правительства.

И если левый Гоминдан еще имеет известное влияние среди рабочих масс, играя на своей оппозиции Нанкину, то и это влияние рабочий класс сможет теперь быстро изжить, если компартия Китая исправит ряд ошибок и недочетов в своей тактике по отношению к профсоюзному движению.

ГОМИНДАН И МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Отношение городской мелкой буржуазии к Гоминдану противоречиво. С одной стороны, она сочувствует этой партии, сумевшей подавить рабоче-крестьянские массы и установить отношения с богатой Америкой и другими иностранными державами. Но, с другой стороны, представители интеллигенции и торгово-ремесленного капитала, обманутые в своих надеждах на установление буржуазной демократии и боящиеся диктатуры, враждебны правящему Гоминдану. Торгово-ремесленные же слои населения, кроме того, против централизации страны, ибо инстинктивно сопротивляются развитию крупного капитализма. Эти слои населения представляют базу для левого Гоминдана и поддерживают отчасти Фын Юй-сяна, а также местных милитаристов-генералов, если те не слишком круто с ними обращаются. Все же конечный путь «левых» гоминдановцев, опирающихся на эти слои, ведет в сторону слияния с Нанкином.

В среде мелкой буржуазии, в связи с усилением борьбы внутри контрреволюционного лагеря, происходит теперь сложный процесс политической диференциации, в результате которого часть ее может стать на сторону рабоче-крестьянских масс, но основная масса будет колебаться все больше в сторону буржуазии. Колебания мелкой буржуазии имеют отражения на известную часть рабочего класса и компартии. Отсюда отчасти происходят те явления, которые свидетельствуют о переоценке некоторыми китайскими коммунистами сил буржуазии и ее перспектив дальнейшего развития.

Со времени III съезда Гоминдана события развивались неуклонно в сторону решительного конфликта между Нанкином и Фын Юй-сяном. В двадцатых числах апреля Фын декларировал, что идет на войну против Гоминдана, прося империалистов сохранить нейтралитет, обнаружив при этом большую осведомленность о том, насколько Нанкин будет снабжен оружием и аэропланами «иностранной державой». Причиной своего выступления Фын назвал факт узурпации нанкинскими лидерами власти в Гоминдане на III съезде, объявив, что поэтому он свою армию теперь называет «армией спасения отечества».

Одновременно стали поступать сведения, что фыновские войска взрывают мосты по лунхайской и пекин-ханькоуской жел. дор.

Официальные же сообщения Нанкина говорили в это время о более двадцати взорванных мостах.

Решительный шаг по отношению к Нанкину со стороны Фына, всегда действовавшего в роли третьего радующегося, вызвав большое удивление как в Китае, так и за границей, свидетельствовал о том, что за его спиной стоят иностранные силы, борющиеся против усиления власти Нанкина.

Нанкин однако с войной не спешил, хотя и объявил Фына изменником, исключил его из Гоминдана на специальном пленуме ЦК, отстранил от всех должностей и издал приказ об его аресте.

После всего этого началась политика, направленная к разрешению назревшего конфликта мирным путем. Нанкин взял инициативу в этом направлении. Но «мирным путем» (путем подкупа) изолировать Фына не удалось, ибо Ен Си-шань, представляющий теперь основную силу на севере, на это не пошел, а Чжан-Сюэ-лян, воспользовавшись создавшимся положением, послал войска из Манчжурии к югу с тем, чтобы «помочь» то одному, то другому, в зависимости от перевеса сил. Положение предолжает оставаться таковым и до сих пор.

Но что все это в конечном счете значит?

Это означает, что соотношение сил Нанкина и других военных клик таково, что Нанкин не может подчинить их себе без большой войны. Маневрирования пока не удались. Вести же большую войну Нанкин избегает как вследствие непосредственной угрозы в военном смысле, так и потому, что война может вызвать новый подъем рабоче-крестьянских масс, создав революционную ситуацию в стране.

Другие же военные клики не идут в наступление, во-первых, потому, что не могут создать надежного единого фронта для решающей войны, и, во-вторых, потому, что стоящие за их спиной империалисты считают еще несвоевременным давать решительный бой. Последнее конечно относится и к Нанкину и к его американским покровителям.

Итак, вместо большой войны в Китае получилось пока вооруженное перемирие. Но не только это. Результатом кризисной обстановки в Китае, могущей в любое время развязать все противоречия между империалистами и противоречия внутри китайского контрреволюционного лагеря, вызвав мировую войну, явилась репетиция этой будущей войны — захват КВЖД китайским сатрапом, получившим на это разрешение за какую-то услугу в «улажении» большого конфликта.

И действительно, роль Чжан-Сюэ-ляна, представляющего «по наследству» Манчжурию, при серьезном столкновении между Нанкином и блоком Фын — Ен Си-шаня может оказаться весьма значительной. Поэтому Нанкину заполучить его на свою сторону или, в

худшем случае, нейтрализовать, даже хоть настолько приблизить к себе, чтобы он содействовал оттяжке угрожающего конфликта,— было очень важно. Конечно не менее важно было и для Фына и Ен Си-шаня сблокироваться с Чжаном. Но для них блок мог бы главным образом служить целям непосредственной войны — другие комбинации менее отвечали бы интересам Фына — Ена — Чжан Сюэ-ляна.

Во всяком случае положение Чжан Сюэ-ляна «неожиданно» стало весьма выгодным, и он решил им воспользоваться. Его поездка в Пекин для свидания с Чан Кай-ши и Ен Си-шанем конечно была вызвана стремлением реализовать для себя возможные выгоды. Торг, повидимому, происходил горячий. Ен Си-шань, лежавший в больнице на иностранной концессии в Пекине до приезда Чжан Сюэ-ляна, немедленно «выздоровел» и ухитрился повидаться с последним еще до свидания с Чан Кай-ши.

За этой генеральской политикой, конечно, стояли соответствующие империалисты.

Но нам думается, что основную роль во всем этом деле играли американские империалисты. Ведь после образования блока Фына и Ен Си-шаня для них было ясно, что немедленно военным путем подчинить северных милитаристов Нанкину не удастся. Англичане же открыто стали говорить о новом разделе Китая на Север и Юг.

В это время захват КВЖД Чжан Сюэ-ляном, создавший, с одной стороны, угрозу войны на Севере, а с другой—дающий Америке возможность вмешаться в дела Манчжурии, был САСШ весьма выгоден. И, разумеется, последнее было настолько же невыгодно Японии и отчасти лишь невыгодно Англии.

Китайская буржуазия борется за свою диктатуру под руководством САСШ, давая себя использовать и другим империалистам. На этом пути ее ждут худшие времена, чем те, которые она уже прошла, ибо непрерывный кризис в стране, отсутствие так страстно желаемого «воспитательного» периода уже дали рабочему классу Китая возможность пройти самые, глубокие моменты депрессии. Крестьянство же, имевшее огромный опыт непосредственной вооруженной борьбы с помещиками-милитаристами, отнюдь не склонно будет ждать выполнения пятидесятилетнего плана Гоминдана.

Дальнейшее же развитие событий на КВЖД все больше ослабляет позиции нанкинского правительства, разоблачая его в глазах даже националистической китайской общественности.

Помимо того, нажим империалистов, в первую очередь американских, на Нанкин увеличился в связи с конфликтом на КВЖД.

ЗАХВАТ КВЖД И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Вопрос о КВЖД стал бесспорно крупнейшим вопросом международной политики.

Откровенно империалистическая, социал-демократическая и коммунистическая пресса всего мира точно так же, как и пресса мелкобуржуазных и либеральных течений и групп, страстно обсуждают этот вопрос, придавая ему исключительное значение.

Каждый день приносит сведения, подтверждающие, что империалисты, главным образом, американские, с нетерпением ждут удобного момента для активного вмешательства на первых порах хотя бы дипломатическим путем с тем, чтобы ввязавшись в «разрешение» конфликта — уже не отвязаться. И в то время как нота Стимсона заинтересованным капиталистическим странам от 25 июля еще продолжает оставаться за кулисами официальной дипломатической арены, военные и морские атташе империалистических стран шныряют по КВЖД, знакомясь со стратегическими и военно-материальными возможностями выступления против СССР под китайским флагом.

Снова подняли голову остатки русской белогвардейщины, выброшенные 10 лет тому назад, после разгрома колчаковщины, хорватовщины, меркуловщины, семеновщины и т. д., из Страны советов.

Наглые бандитские вылазки со стороны КВЖД на границах Приморья и Забайкалья все чаще имеют место, а нанкинское правительство, заранее страхуя себя от подозрений, информирует «всех, всех, всех», что выступление белых против своих красных врагов осложняет создавшееся положение. И в то же самое время министр иностранных дел Ван Чен-тин требует от своего аппарата активности в деле фабрикации сведений о насилиях над китайскими гражданами в СССР. Это ему необходимо, чтобы противопоставить хоть какие-либо «факты» неслыханным насилиям китайской военщины над русскими рабочими и служащими, живущими десятки лет в полосе Китайско-восточной железной дороги.

В общем, картина как будто достаточно ясная: 10 июля происходит налет на управление КВЖД в Харбине и по всей линии от станции Манчжурия до Пограничной; русская часть управления насильственно устраняется, а все вообще советские служащие дороги либо изгоняются, либо ставятся в условия, вынуждающие их уйти; всему этому предшествует разгром профсоюзов по всей линии железной дороги, а также разгром клубов, кооперации и печати.

В ответ на ноту правительства СССР о созыве советско-китайской конференции для обсуждения создавшегося положения, но с тем, чтобы в основу обсуждения легло status quo ante нападения, манчжурские милитаристы и Нанкин отвечают устно, что готовы приступить к переговорам, а письменно излагают свой ответ так, что они намерены вести переговоры, исходя из уже создавшегося положения, т е. требуют от советского правительства легализации нападения и аннулирования договоров, заключенных с Китаем в 1924 г.

Советское правительство не может, конечно, на это пойти и отзывает своих представителей, одновременно прекращая всякие экономические сношения с Китаем. Китайские милитаристы во главе с нанкинскими заправилами «угрожают» обратиться к другим «иностранным державам» с просьбой о вмешательстве в конфликт.

На этом пока история вопроса кончается. Картина, повторяем, ясная. События протекают почти по плану: нападение китайцев, наглое отклонение единственно возможного способа разрешения вопроса, а затем... обращение китайского контрреволюционного правительства за помощью к империалистам против СССР.

Однако не так изображает дело международная социал-демократия и ее «левое крыло».

В их освещении вопрос выглядит следующим образом:

а) советская страна хочет пользоваться царскими привилегиями на китайской территории, отстаивая права на участие в управлении КВЖД;

б) китайская буржуазия в лице нанкинского правительства, защищая национальные интересы страны, борется против всех империалистов и также против СССР за свой суверенитет и независимость;

в) из-за этого спора между двумя странами, совершившими революцию, возможна война, что нанесет вред обеим;

г) социал-демократы предупреждают поэтому рабочие массы, что в этом споре не прав СССР, и призывают международный пролетариат повлиять на СССР в сторону отказа от своих притязаний в Китае.

Мы суммировали здесь кратко основные мысли различных вариантов, выставляемых международной социал-демократией при освещении конфликта на КВЖД.

Разумеется, что социал-предатели облекают свои аргументы в изощреннейшие демагогические формы, то соболезнуя китайскому народу, представленному по их словам Чан Кай-ши, то наоборот, — заявляя устами левых из «Классенкампф» от 1 августа, что «международный рабочий класс всегда готов защищать пролетарскую Россию, когда она ведет свою политику в интересах пролетариата и когда защищает основы социализма».

Последний аргумент, как известно, является теперь не только орудием социал-демократов в их борьбе против СССР, но стал уже давно орудием и троцкистов и брандлеровцев. Троцкий еще летом 1926 г., настаивая на разрыве коммунистов с Гоминданом, хотя эта партия еще боролась против империализма, одновременно требовал отдачи китайским милитаристам (как известно, в то время в Манчжурии властвовал Чжан Цзо-лин, боровшийся на стороне империалистов против Гоминдана) КВЖД, что объективно означало бы поддержку северных милитаристов и империалистов в их борьбе против кантонского правительства.

На упомянутых выше аргументах социал-демократов необходимо остановиться, ибо если открытые выпады социал-фашистов против СССР не могут иметь успеха среди рабочих масс, то скрытая клевета, облеченная в форму сочувствия, может еще иметь влияние на беспартийных и социал-демократических рабочих.

Итак, первый аргумент по поводу отстаивания советским правительством своих прав на КВЖД.

В ответ на этот аргумент, имеющий принципиальное значение, необходимо раньше всего ответить следующим вопросом: должен ли был пролетариат бывшей царской России, установив свою диктатуру, использовать все экономические и стратегические возможности, «унаследованные» от старой буржуазно-помещичьей власти, для закрепления своих позиций или нет? Ответ на этот вопрос, надо полагать, может быть только один. Каждый рабочий на него ответит утвердительно, и только те, кто заинтересован в поражении советской власти, могут ставить вопрос так, что русскому пролетариату нужно было немедленно после своей победы плюнуть на всякие опасности, отмахнуться от всяких исторически унаследованных вопросов путем простого отказа от их разрешения и надеяться на идеализм международного империализма, на миролюбие русской контрреволюции и на ортодоксальный марксизм социал-предателей из II Интернационала.

Но история первых 3—4 лет существования советской власти показывает нечто другое. Международный империализм делал отчаянные наскоки на Страну советов, пытаясь вооруженной

силой свергнуть советскую власть. Русская контрреволюция под руководством и при непосредственной материальной помощи империалистов вела отчаянную борьбу, не раз угрожая самому существованию советской власти, разрушая промышленность и транспорт, окончательно разоряя страну. А международная социал-демократия в это время «благородно» выступала на защиту угнетенных контрреволюционеров, возмущаясь варварством большевиков, защищавших до последней капли крови свое социалистическое отечество.

КВЖД сыграла колоссальнейшую роль в деле контрреволюционных нападений на СССР со стороны мирового империализма и русских помещиков и капиталистов. В продолжение почти 4 лет КВЖД (начиная с осени 1917 и кончая 1921 г.) была основным стратегическим пунктом международной и русской контрреволюции на Дальнем Востоке.

При этом следует еще и еще раз напомнить, что со времени русской революции и до 1924 г. КВЖД не была китайским предприятием, а все время служила интересам международного империализма. Колчаковщина, хорватовщина, семеновщина — все эти кровавые эпопеи гражданской войны непосредственно связаны с КВЖД, оттуда угрожала не раз смертельная опасность советскому Дальнему Востоку и Сибири.

И разве неправильно пступала власть Советской страны, когда добивалась и добилась, несмотря на сопротивление империалистов, признания китайским правительством прав СССР на участие в управлении дорогой и тем самым добилась в 1924 г., во-первых, того, что был положен конец открытым авантюрам против СССР со стороны КВЖД, и, во-вторых, что китайские милитаристы, вынужденные считаться с договором, не могли уже от имени Китая входить за ту или другую мзду в сделки с империалистами против СССР.

Не приходится также доказывать, что участие СССР в управлении КВЖД подняло дорогу на невиданную раньше высоту как в смысле экономическом (доходность эксплоатации, правильное и своевременное обслуживание торговых интересов Китая и СССР), так и в культурном — в смысле создания благоприятных условий для рабочих и служащих, как китайцев, так и русских, — даже представители влиятельных буржуазных газет вынуждены были констатировать последнее в самом начале конфликта.

Самое же участие СССР в упрвлении КВЖД приняло — по инициативе СССР — форму исключительно коммерческого сотрудничества без малейших внеэкономических способов воздействия на Китай. В договорах 1924/25 г. не только не было речи о каких-либо при-

вилегиях по отношению к советским гражданам или советскому правительству на территории КВЖД, но наоборот еще раз подтверждался полный отказ советского правительства от каких-либо привилегий, которыми пользовалось царское правительство и которыми продолжают пользоваться в Китае и сейчас все империалистические страны.

Таким образом самый договор между Китаем и СССР являлся несомненно революционизирующим фактором, способствовавшим развитию национально-освободительного движения в стране. Именно так рассматривал этот договор и Сун Ят-сен, приводивший политику СССР в Китае в качестве примера в своей пропаганде за уничтожение неравных договоров, навязанных Китаю империалистами. Сун Ят-сен рассматривал положительно признание СССР правительством У Пей-фу в 1924 г., хотя Сун, возглавлявший кантонское правительство, боролся с пекинским правительством, во главе которого стоял У Пей-фу, и казалось мог бы легко стать на путь отрицательного отношения к взаимному признанию СССР и Китая. Но Сун, будучи действительным борцом за национальную независимость, прекрасно понимал, что самый факт присутствия на общекитайской арене советского дипломатического представителя является огромным фактором в деле борьбы революционного Китая, против империалистов. И еще в 1924 г., проезжая из Кантона на север, Сун Ят-сен в своем интервью в газете «Монгожибао» в Шанхае, отвечая на клевету контрреволюционеров и правых гоминдановцев о захватнических якобы целях СССР в отношении внешней Монголии сказал, примерно, следующее [1]: «Монголия раньше всегда находилась под пятой китайских милитаристов, а с 1918 по 1921 год — под непосредственным владычеством известного слуги японского империализма, Аньфуиста, «маленького Сю»; эта страна была объектом нападения со стороны империалистов и подвергалась грабежу и разбою. Монголия не могла существовать самостоятельно, так как была слишком слаба для того, чтобы не быть объектом империалистов и китайских милитаристов. Поэтому он (Сун) положительно смотрит на помощь, оказываемую СССР внешней Монголии, ибо эта помощь помогает ей сохранять свою независимость от посягательств и китайских контрреволюционеров и их господ — империалистов».

Весьма понятно, почему Сун Ят-сен, будучи вождем националистов, занимал такую позицию, ибо только так мог говорить человек, действительно готовый бороться против империалистов и китайской милитаристической реакции.

Сун Ят-сен прекрасно понимал, что с освободившимся от империалистов Китаем у СССР не будет никаких территориаль-

[1] Этой газеты, к сожалению, теперь нельзя было достать, но за верность общего смысла интервью — ручаюсь.

ных и экономических споров. Поэтому он считал исключительно важным для дела китайской революции участие СССР в общекитайской политике.

И действительно, до тех пор пока Гоминдан не стал партией контрреволюции и не предал национальных интересов Китая, капитулировав перед империалистами и феодально-империалистическими элементами страны, — никогда ни в прессе, ни в резолюциях съездов, конференций и собраний Гоминдана не раздавались голоса о каких-либо несправедливых притязаний со стороны СССР. Наоборот всегда и всюду подчеркивалась необходимость тесного союза со Страной советов перед лицом международного империализма. И можно с уверенностью сказать, что именно эта позиция Гоминдана мобилизовала в свое время под его знамена мллионные массы рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии.

Но изменилась ли политика СССР по отношению к Китаю как к стране после измены Гоминдана национальной революции? Не пыталась ли советская власть после неслыханно наглых нападений на ее дипломатических представителей, после убийства советских граждан (в Кантоне), после заключения в тюрьмы (Пекин, Ханькоу, Шанхай) стать на путь угроз и вернуть себе те «права», от которых она отказалась немедленно по возобновлении сношений с Китаем (1920 г.) после очищения Дальнего Востока от белогвардейских банд? Всем известно, что нет. Советская страна всеми силами стремилась сохранить sfatus quo и после этих наглых и провокационных действий китайской контрреволюции.

Совершенно очевидно, что изменение политики шло со стороны Китая, со стороны Гоминдана и Нанкина.

И надо сказать, что ничего удивительного в этом нет, ибо влияние империалистов на китайское правительство с лета 1927 г. все усиливалось. Гоминдановское правительство быстро эволюционировало по пути превращения в орудие международного империализма против СССР.

Только под этим углом зрения и следует рассматривать настоящий конфликт на КВЖД, подготовлявшийся, как теперь известно, еще с апреля месяца.

Аргументация социал-демократов поэтому еще раз в новом свете выявляет их роль рупора, пропагандиста, агитатора международного империализма.

А подпевающие им троцкисты и брандлеровцы разоблачают еще раз свое действительное отношение к СССР, что указывает на их общее направление в сторону контрреволюции.

Нужно отметить, что неправы также и те товарищи, которые сводят вопрос о КВЖД к уничтожению Китаем договора об «общем коммерческом предприятии». Формально это так, но по

существу речь идет не о том, что у СССР отнимают право на участие в управлении КВЖД, а о том, что акт 10 июля есть начало наступления против СССР со стороны империалистов и что конфликт на КВЖД чреват дальнейшими событиями в этом направлении.

Столь же лживо и другое утверждение социал-демократов, что нанкинское правительство, выступая против СССР, борется за суверенитет и независимость буржуазного Китая.

Если верить социал-демократическим идеологам, политикам и журналистам, то теперешнее нанкинское правительство есть правительство победившей буржуазной революции в Китае, отстаивающее свое право на существование против всех внешних врагов, в том числе и против СССР.

Но позволительно спросить, когда победила буржуазная революция в Китае?

Разве разгром рабоче-крестьянских восстаний и торжество реакционных сил страны — то же самое, что победа буржуазной революции? Поражение китайской революции в результате измены буржуазии, ее перехода на сторону империалистов и капитуляции перед феодалами — далеко не победа буржуазной революции, наоборот, буржуазно-демократическая революция в Китае получила поражение, а контрреволюция, включающая теперь в свой лагерь и всю буржуазию, не может консолидировать своих сил. Таково действительное положение вещей.

Но согласно «марксизму» социал-демократов знаменательное событие «победы» китайской буржуазной революции произошло в тот момент, когда Гоминдан, войдя в соглашение с империалистами и создав блок с феодалами и милитаристами, обратил свое оружие против рабочих и крестьян. Очевидно, в результате этих событий нанкинское правительство было признано империалистами как национальное правительство Китая, а социал-демократы принесли свое признание «победившей» буржуазной революции в Китае.

И как было не признать? Ведь «победа» буржуазной революции ознаменовалась столь близким сердцу социал-демократов массовым истреблением коммунистов, вождей рабочих профсоюзов, закрытием крестьянских революционных организаций, революционных студенческих объединений и т. д. Ведь «победоносная» буржуазная революция через Гоминдан начала подавлять антиимпериалистическое движение в стране и повела злостную кампанию против СССР, натравливая милитаристов на советские представительства.

В защиту этой «революции» социал-демократия выступает теперь со всем пылом предателей. Социал-демократия теперь по-

ставила китайский вопрос в порядок дня, занимаясь им так усердно, как никогда раньше.

Но в 1925 г., когда в Китае поднялась волна национально-освободительного и революционно-рабочего движения, социал-демократия никак не могла разглядеть и разобрать, что происходило в Китае. Социал-демократическая пресса долго не могла «понять», кто же в кого стрелял в Кантоне, Шанхае в мае и июне 1925 г. — безоружные ли китайские рабочие и студенты в империалистов или последние, вооруженные до зубов — в китайцев...

Амстердамский интернационал долго не отвечал тогда на обращение Профинтерна по поводу совместных выступлений против империалистов, а когда наконец ответил Профинтерну, то заявил, что до выяснения положения в Китае воздерживается от каких-либо действий.

Социал-демократическая пресса, как известно вообще, замалчивала огромное историческое движение миллионов китайских рабочих, крестьян и трудящихся масс, начавшееся с кровавых событий 30 мая 1925 г. и неуклонно нараставшее до начала 1927 г., когда оно стало перерастать в аграрную революцию.

Если судить по тогдашней социал-демократической прессе, то в Китае революции не было, как не было и империалистической интервенции в виде снабжения оружием контрреволюционных китайских милитаристов и иностранных дессантов во всех портовых городах Китая.

Словом, периода с 1925 по 1927 г., периода китайской революции, социал-демократия не заметила. Правда, в марте 1926 г., когда Чан Кай-ши перед северным походом пытался совершить переворот в Кантоне, социал-демократия немедленно встрепенулась, и сам Отто Бауэр вдруг стал говорить о конце революции в Китае, призывая международный пролетариат обнажить головы перед трупом китайской революции; и голос Отто Бауэра не звучал одиноко, он раздавался в общем хоре империалистической прессе, радовавшейся, как оказалось потом, преждевременно победе китайской контрреволюции.

Затем, после мартовских событий, во все время китайской революции, когда рабочие захватывали концессии империалистов, когда весь Южный и Центральный Китай пылал крестьянским восстанием, а в Шанхае в продолжение нескольких месяцев произошло три восстания, социал-демократия ничего не говорила рабочим массам о революции в Китае и о необходимости поддержать это движение перед лицом угрожающей ему опасности со стороны империалистов.

Но теперь, когда китайская контрреволюция временно победила при прямой помощи империалистов, социал-демократия

усиленно занялась Китаем и защищает Нанкин от «посягательств» СССР.

Тактика социал-демократии в отношении конфликта на КВЖД служит прообразом ее тактики в подготовке империалистами войны против СССР. Она будет всячески изощряться в подыскании доводов, чтобы доказать виновность СССР и неизбежность войны против него по его же вине.

Став на путь защиты контрреволюционного гоминдановского правительства, социал-демократия умалчивает о фактах сдачи этим правительством империалистам всего того, что успели завоевать революционные массы в период наивысшего подъема революции.

Империалисты, которые устами консервативного английского правительства вынуждены были в декабре 1926 г. декларировать готовность пересмотра своих отношений с Китаем в смысле уступок по вопросам о неравномерных договорах, уже весной 1927 г., видя раскол в Гоминдане, в связи с обнаружившейся изменой Чан Кай-ши, направляют тяжелые орудия на китайские города, наглея с каждым днем все больше и больше. И они действительно добились возвращения им концессий в Ханькоу, Цзюдяне и Тянь-Цзине. Японские же империалисты тогда снова повели открытую политику вооруженной поддержки всевозможных милитаристов на севере и в Шаньдуне, устроив в Цзинанфу и Циндао в мае 1928 г. кровавую баню китайскому населению.

Одновременно американские империалисты, признав Нанкин, стали на путь «активной политики»в Китае, форсируя войну Чан Кай-ши с гуаньсийцами, которых в свою очередь поддерживали японцы и англичане.

И, наконец, угроза войны между Нанкином и Фынь Юй-сяном и Ен Си-шанем в начале лета этого года, приведшая пока к вооруженному перемирию, не является ли разве отражением борьбы между империалистами в Китае, действующими через нанкинское правительство и через контрреволюционный лагерь китайской военщины вообще?

Словом, разве «национальное» нанкинское правительство, каким его изображают социал-демократы, разрешило хотя бы в малейшей степени основной вопрос буржуазной революции — вопрос объединения страны? Все факты и события, начиная с 1927 г., говорят о противном.

И разве могло быть иначе, раз Гоминдан и нанкинское правительство, став на путь контрреволюции, возложили все свои надежды на тех, кто не заинтересован в объединении Китая и его самостоятельном капиталистическом развитии.

И если в данном случае, в связи с конфликтом на КВЖД объективно спросить: из каких это национальных интересов Ки-

тая потребовалось теперь напасть на управление дороги и нарушить договоры 1924—25 гг., то не будет другого ответа, как тот, что решительно ни из каких. Ибо, в то время, когда все основные жел. дор. магистрали в Китае находятся в руках империалистов, распоряжающихся ими на основе «прав», вытекающих из неравных договоров, и когда власть империалистов еще более закрепляется в связи с планами централизации руководства дорогами в руках американцев и когда японцы продолжают упорно настаивать на своем праве строить новые дороги в Северной Манчжурии и Внутренней Монголии, — захват КВЖД, единственной в Китае дороги, на которой действительно соблюдается суверенитет Китая, и откуда ни малейшей опасности стране не угрожало, явно показывает, что акт 10 июля, совершенный китайскими руками, служит интересам, враждебным Китаю, интересам тех, кто стремится превратить эту страну из полуколонии в колонию.

Очень характерно, что именно теперь империалисты во главе с Соединенными Штатами грубо отклонили просьбы нанкинского правительства об отмене экстерриториальности. Нет сомнения, что одним из мотивов отказа будет служить ссылка на беззаконные действия китайцев по отношению к советским гражданам в полосе КВЖД, что еще резче подчеркивает все наглое отношение империалистов к их лакеям, нанкинским заправилам.

Китайская буржуазия не только не в состоянии осуществить действительное объединение страны и добиться политической независимости, но наоборот, с каждым днем вынужденная все больше обращаться за помощью к империалистам против собственных рабоче-крестьянских масс, отказывается от разрешения целого ряда других задач, стоящих перед ней в настоящее время.

И действительно из приведенных выше материалов III съезда Гоминдана, где была изложена программа китайской буржуазии, ясно выявилось, что нанкинское правительство отказывается от разрешения аграрного вопроса, и вопрос о земле не был даже затронут. Смехотворная комиссия Хуханмина, которая занимается изысканием чудодейственного способа, как землей крестьян не наделять, но чтобы они ее получили путем больших расценок на землю крупных собственников, является разумеется ловушкой, в которую вряд ли кто-нибудь из собственников или крестьян попадет. Обещанное же кулачеству и зажиточным слоям деревни проведение самоуправления в деревне перед лицом все усиливающихся грабежей и расправ над населением со стороны милитаристов, над которыми Гоминдан так же властен, как, скажем, над стихией, не имеет конечно никакого реального значения.

Вопрос о развитии народного хозяйства изложен был на съезде в виде 50-летнего (!) плана, в котором тяжелой индустрии не уделено места; что касается легкой индустрии, то ее место

в плане выражается вложениями в размере 5 млн. китайских долл. в год; осуществление всего 50-летнего плана развития народного хзяйства потребует 25 млрд. долларов, и из них 21 млрд. уйдет на жел. дороги, шоссейные дороги и другие расходы, связанные с развитием путей сообщения, т. е. на то, что требуется от Китая, как от хинтерланда для империалистов. Средства, необходимые для выполнения этого плана, китайская буржуазия надеется получить в основном у милитаристов. Так, из 500 млн. руб. в год — 200 млн. составят займы «иностранных держав», 200 млн. должны притекать из государственных доходов и 100 млн. — от внутреннего займа. Но так как государственный доход китайского правительства, пока не уничтожены неравные договора, в основном зависит от империалистов, то выполнение этого «грандиозного» плана развития народного хозяйства Китая на четыре пятых зависит от этих последних.

Вот как выглядит пресловутое национальное правительство с его борьбой за независимость и планами капиталистического развития в свете действительных фактов, а не в том розовом тумане, который напускает международная социал-демократия в целях поддержки китайской контрреволюции.

Итак, конфликт на КВЖД, как видно из событий, имевших место после III съезда Гоминдана, вытекал из всего внутреннего и внешнего положения контрреволюционного нанкинского правительства.

О роли империалистов в подготовке конфликта на КВЖД социал-демократы считают более полезным умолчать. Вмешательство же Америки, становящееся все более и более ясным теперь, ее предложение об интернационализации дороги, долженствующее завершить первый этап по пути наступления на СССР, углубляя одновременно противоречие между Соед. Штатами Америки и Японией, приближая момент международной войны, — социал-демократы изображают как попытку незаинтересованной третьей силы уладить конфликт.

Но в свете всех фактов недавнего прошлого в Китае и в свете новых фактов, имеющих место каждый день и разоблачающих действительную роль империалистов в подготовке конфликта на КВЖД, социал-демократическая ложь будет становиться все более и более прозрачной. Международный рабочий класс, его революционный авангард уже 1 августа демонстрировал свою волю против войны и в защиту СССР. И в этом отношении вопрос о КВЖД сыграл значительную роль.

Советская политика в этом конфликте, ее пролетарская выдержанность и вместе с тем решительная защита интересов рабоче-крестьянского государства и международной революции мобилизуют симпатии рабочих масс всего мира к СССР.

КВЖД И ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТОВ В КИТАЕ

Развитие событий со времени захвата КВЖД семь-восемь недель тому назад, подтверждает то положение, что создавшийся конфликт, угрожая непосредственно СССР, является одновременно выражением борьбы внутри лагеря китайской контрреволюции, а также борьбы империалистов за превалирующее влияние.

Резко менявшийся курс нанкинской дипломатии в вопросе о разрешении советско-китайского конфликта (заявление Цая[1] о готовности вести переговоры на основе status quo ante, затем отказ от этого заявления со стороны Нанкина, а потом, 28 августа, новое обращение Нанкина через Германию с предложением начать переговоры на основе предложений, почти аналогичных советским предложениям от 13 июля, и вновь двусмысленное молчание до настоящего времени, при продолжающейся агрессивности на наших границах) является прямым отражением всей этой борьбы, свидетельствуя о роли Нанкина, как объекта и орудия в руках империалистов.

Чтобы подтвердить указанное выше положение, необходимо вспомнить «обстановку» внутри Китая и новое сочетание (после поражения китайской революции) противоречий интересов империалистических держав, при котором произошел захват КВЖД.

Во время и после III съезда Гоминдана борьба между Нанкином и гуаньсийскими и северными милитаристами настолько обострилась, что против гуаньсийцев фактически велась война, в результате которой они были разгромлены. Сюзники же последних, Фын Юй-сян и Юг Си-шань, в это время мобилизовали свои силы, и первый объявил войну Нанкину. Никто не сомневался тогда в том, что за спиной Нанкина так или иначе стояла Америка, а за спиной северных милитаристов—Англия и Япония.

Апрель, май и июнь текущего года были чреваты большой войной в Китае, которая выражала бы в общем и целом борьбу за

---

[1] Гиринского (манчжурского) комиссара по иностранным делам.

консолидацию буржуазно-помещичьих контрреволюционных сил под руководством Соед. Штатов, что на языке Гоминдана означало объединение страны и «дальнейшее ее экономическое развитие».

Интересы Соед. Штатов диктовали им политику поддержки нанкинской группы, которая больше других выражала интересы торговой, финансовой и промышленной буржуазии Китая и могла в свою очередь легче ориентироваться на Америку, не имеющую определенной сферы влияния в Китае и исторически в меньшей степени связанную с неравноправными договорами, чем другие империалисты. Китайская буржуазия легче могла обманывать народные массы и мелкобуржуазную общественность лозунгами объединения страны, находясь в союзе с американскими империалистами, чем с какими-нибудь другими. Разумеется, эта общая ориентация нанкинского правительства нисколько не исключала борьбы по данному вопросу в его собственной среде, выражающей отклонение некоторых членов его в сторону английской или японской ориентации.

Англия и Япония (а также Франция), интересы которых в Китае продолжают оставаться противоречивыми, оказывали сопротивление американской политике в Китае, ибо видели, что Соед. Штаты захватывают в свои руки инициативу «разрешения» китайского вопроса. Поддержка Англией и Японией гуаньсийской клики, а затем Фын Юй-сяна и Ен Си-шаня против Нанкина была проявлением их борьбы против Соед. Штатов и направлялась против консолидации сил китайской контрреволюции под руководством Нанкина.

В этом отношении ничего не меняет и тот факт, что Фын Юй-сян находился и находится в блоке с «левой» группой гоминдановцев (Ван Цзин-вей, Чен Кун-по и др.). Это обстоятельство лишь объясняет отчасти классовую природу Фын Юй-сяна как представителя интересов сельской буржуазии, и указывает на сопротивляемкость ремесленного и мелко-торгового капитала возможисти крупно-промышленного развития страны.

Таково было положение до конфликта на КВЖД в собственно Китае.

Положение Манчжурии к этому времени можно охарактеризовать следующим образом.

Поражение китайской революции и победа Нанкина над целым рядом провинциальных милитаристов создали опасность для Манчжурии в смысле подчинения ее так называемому центральному правительству.

Вначале, как известно, Чжан Цзо-лин являлся центральной фигурой, возглавлявшей борьбу против «северного похода» даже после измены Чан Кай-ши китайской революции. Однако, после убийства Чжан Цзо-лина (весна 1928 г.) и военных побед Нанкина

на севере Чжан Сюэ-лян формально подчинился Нанкину, подняв в Манчжурии гоминдановский флаг.

Как известно, независимость Манчжурии от центрального китайского правительства (сначала пекинского, а потом нанкинского) покоилась в большой степени на прямой поддержке Японии. Однако, развитие промышленности в этой части Китая, упорное стремление империалистов других стран проникнуть в эту сферу японского влияния, а затем подъем национально-освободительного движения в стране и упомянутый выше «северный поход» — все это вместе взятое создавало обстановку, при которой Чжан Цзо-лин в последнее время перед своей смертью стремился высвободиться из-под непосредственного влияния Японии. За эту попытку он поплатился жизнью. Но все же начавшаяся при нем борьба против японского влияния не только не ослабела, но, наоборот, с приходом к власти Чжан-Сюэ-ляна усилилась. Казнь целого ряда сторонников японской ориентации в Манчжурии, крупных политических и военных деятелей, с достаточной наглядностью свидетельствовала об этой борьбе.

Внутри же лагеря манчжурской клики эта теденция создала известную линию межевания и подготовила конфликты.

С другой стороны, охлаждение между правящей манчжурской кликой и Японией открыло ещё большие возможности для Нанкина в смысле подчинения себе фактически, а не тоелько формально, Манчжурии.

Такое положение существовало до лета текущего года, когда назрела борьба между Нанкином и северными милитаристами.

Вся мировая буржуазная пресса вполне правильно придает большое значение конференции, состоявшейся в Пейпине в начале июля этого года между Чан Кай-ши, Ен Си-шанем (представлявшим Фын Юй-сяна) и Чжан Сюэ-ляном. Эта конференция происходила в тот момент, когда война в Китае казалась неизбежной, а через несколько дней после ее окончания произошел захват КВЖД. Та же пресса непосредственно связывает захват КВЖД с этой конференцией. Это обстоятельство необходимо подчеркнуть, ибо без этого трудно понять все дальнейшие события и зигзаги нанкинской дипломатии.

Чем была вызвана пейпинская конференция? На наш взгляд, она выражала положение, при котором Нанкин вынужден был искать путей для отсрочки, стремясь выгадать время для маневрирования по отношению к северным милитаристам и найти способ для изоляции Фын-Юй-сяна.

Что касается политики Соед. Штатов, то пейпинская конференция свидетельствовала о том, что натиск, с которым американские империалисты взялись за дело объединения Китая, оказался опасным для самого орудия (нанкинское правительство), при помощи

которого предприимчивые янки хотели это дело осуществить. Нанкинские правители, повидимому, более трезво оценивали свое положение и вынуждены были в данное время искать разрешения вопроса испытанным китайским методом всевозможных комбинаций, а не путем войны.

Как известно, Нанкину не удалось изолировать Фын Юй-сяна: последний сначала заявил, что уедет за границу, потом взял свое заявление обратно, ссылаясь на то, что ему нужно реорганизовать свою армию, для чего потребуется большая сумма денег (теперь эта сумма определяется в 18 млн. долларов). Ен Си-шань, в свою очередь, заявил, что он уедет вместе с Фын Юй-сяном, что на языке китайских милитаристов означает, что он остается в блоке с Фыном.

Наиболее выгодным казалось на этой конференции положение Чжан Сюэ-ляна. При создавшемся соотношении сил его роль внезапно возросла, так как в случае войны его войска (к этому времени он уже успел в значительной части перебросить свои силы на ту сторону великой стены), став на сторону пейпинского правительства, чрезвычайно усилили бы позицию последнего, а став на сторону Нанкина, могли бы сыграть решающую роль в победе над Пейпином.

На деле, однако, оказалось, что больше всего проиграл в результате этой конференции Чжан Сюэ-лян.

Объясняется это следующим образом. Нанкин на пейпинской конференции совершил крупный маневр по отношению к Манчжурии, решив развязать борьбу совсем на *другом фронте* — на севере, против СССР. Нанкинским милитаристам казалось, что таким путем они отсрочивают неминуемый конфликт с блоком Фына и Ен Си-шаня и одновременно ставят в зависимость от себя Чжан Сюэ-ляна. Кроме того, гоминдановское правительство надеялось актом захвата КВЖД поднять свой престиж в глазах националистически настроенных кругов общества, так как это давало ему возможность говорить о борьбе за «суверенитет» Китая. Чжан Сюэ-лян же, в свою очередь, исходил из того положения, что захват КВЖД укрепит его позиции внутри Манчжурии и с момента перехода КВЖД в его руки сделает его еще более независимым от Нанкина. На этой конференции был, повидимому, действительно решен вопрос о захвате КВЖД Чжан Сюэ-ляном.

Несомненно, что весь план проводился с одобрения, если не по инициативе Соед. Штатов.

Самая же возможность разрешать таким путем конфликты внутри лагеря китайской контрреволюции и между империалистами с необычайной наглядностью подтверждает тот тезис, что третий период, период войны, в первую голову чреват войной против СССР.

Однако уже через несколько дней после захвата КВЖД маньчжурский провинциальный сатрап должен был убедиться в том, что он стал жалким орудием в руках Нанкина. Вопрос о КВЖД немедленно приобрел огромное международное значение, а роль северных милитаристов свелась лишь к роли грязных исполнителей.

Положение Нанкина также оказалось нелегким. Уже через короткое время после начала конфликта на КВЖД начали снова выявляться все затруднения как внутреннего, так и внешнего характера.

Взаимоотношения с Манчжурией немедленно обострились, так как для Чжан Сюэ-ляна стало ясно, что он обманут и втянут в чрезвычайно невыгодное и чреватое опасными последствиями дело.

В Манчжурии начался небывалый хозяйственный кризис, так как КВЖД являлась важнейшим источником благосостояния края. Положение еще более ухудшилось в связи с тем, что при резком сокращении доходов правительства неимоверно возросли расходы на военные нужды и транспорт. Войска, стоявшие на юге, пришлось перебросить снова на север. Закрытие границы со стороны запада и севера нанесло тягчайший удар торговле. А попытки манчжурских властителей разрешить конфликт путем непосредственных переговоров с СССР парализовались Нанкином.

Со своей стороны Нанкин очень скоро должен был убедиться, что получить передышку надолго ему не удалось, так как создавшимся положением начали уже пользоваться все враждебные ему силы, начиная от Фын Юй-сяна и кончая Ван Цзин-веем. Угроза образования блока всех северных милитаристов, включая и Чжан Сюэ-ляна, против Нанкина, снова стала реальной. Если ко всему этому еще прибавить, что советники американского правительства нажимали на Нанкин, дергали его, требуя сохранения инициативы в дальнейшем развитии событий, то станет понятной нервная и противоречивая политика Нанкина по отношению к СССР во время конфликта.

Решительно над всеми действиями нанкинского правительства довлели интересы Соед. Штатов, которые в конфликте на КВЖД не могли выпустить инициативу из своих рук по той простой причине, что их политика в этом вопросе тесно связана с общей политикой Соед. Штатов в Китае в настоящее время. Дезавуирование гиринского представителя Цая в его переговорах с советским консулом вполне справедливо расценивалось нашей прессой как результат давления американских империалистов.

Если нет пока формальных доказательств этого факта, то достаточно отметить, что 15 июля американский советник Мантель направил нанкинскому министру путей сообщения Сун-фо мемо-

ндум, в котором в категорической форме предлагает вызвать
це 8 крупных руководителей и организаторов железнодорожного
ела с целью централизации руководства и улучшения всей тех-
ики китайских железных дорог. Повидимому, в связи с этим
ианом Мантель недавно появился в Манчжурии и пустил по
свету свое известное интервью о хищениях на КВЖД, доставившее
ю автору печальную известность.

Став на путь авантюры в отношении КВЖД, нанкинское пра-
ительство не могло конечно не учитывать сложности своих отно-
ений с Японией, но предпринимать какие-нибудь шаги, могущие
йтрализовать японцев, Нанкин не в состоянии именно благодаря
убоким противоречиям интересов Америки и Японии. И поэтому
оминдановское правительство пыталось прибегнуть к некоторым
ерам, при помощи которых оно стремилось подчеркнуть свое
ружелюбное отношение к Японии. 19 июля нанкинское правитель-
тво издает приказ, запрещающий антияпонский бойкот во всей
гране.

Но этот шаг создал для Нанкина новые затруднения внутри
граны, так как подавление движения бойкота против Японии
то время, когда захват КВЖД Гоминдан связывает с борьбой за
уверенитет страны, разоблачало всю лживость этих объяснений.
действительно, уже через несколько дней после этого приказа,
2 июля, Гоминдан в циркулярной телеграмме высказывается за
ойкот. Почти одновременно с этим гоминдановцы опубликовывают
анифест, обращенный ко всем империалистам и содержащий
ападки на СССР.

Интересно, между прочим, отметить, что инициатором этого
анифеста явились, главным образом, так наз., синпаньцы (контр-
еволюционная группа, боровшаяся еще против Сун Ят-сена за
го связь с СССР и в свое время исключенная из гоминдана,
ныне вновь вернувшаяся в лоно контрреволюционной партии),
торонники английского и отчасти японского влияния в Китае.

Однако, все эти меры, точно так же, как усилившиеся ре-
рессии по отношению к коммунистам и профсоюзным деятелям
нутри страны, не облегчили положения Нанкина. Повидимому,
оминдановское правительство отдавало себе в этом отчет уже
вскоре после возникновения конфликта на КВЖД, ибо 20 июля
Чан Кай-ши непосредственно обращается к армии Фын Юй-сяна
Гуо Минь-чунь), призывая ее к защите «отечества».

Американских империалистов, однако, не удовлетворяет дея-
ельность нанкинского правительства, и в целях большего нажима
на последнее они прибегли к мероприятиям более «широкого ха-
рактера».

Нота Стимсона заинтересованным державам от 25 июля пре-
следовала две цели: с одной стороны, практическое применение

пакта Келлога на Дальнем Востоке, как орудия для захвата Соед. Штатами инициативы в разрешении каких бы то ни было споров; с другой стороны, она подстрекала Нанкин к дальнейшим решительным действиям на КВЖД.

Трудно сказать, что Нанкин без всякого сопротивления все больше втягивался в эту авантюру. Гоминдановское правительство вскоре после захвата КВЖД должно было убедиться в том, что агрессивная политика по отношению к Советской России не встречает сочувствия среди подавляющего большинства населения Китая. С другой стороны, каждый день затягивания и углубления конфликта содействовал образованию блока против Нанкина на севере. Нам неизвестно, какие методы воздействия американское правительство применяло по отношению к Нанкину, чтобы заставить его действовать согласно своей воле, но конечный результат этой политики таков, что Нанкин идет навстречу катастрофе.

Впрочем, некоторые факты, имевшие место в последнее время, указывают на наличие трений внутри нанкинского правительства, а также на давление Америки в вопросе о займах Китаю. Суи-фо, например, недавно подал в отставку. Ввиду того, что он известен как ярый сторонник американской ориентации, этот факт можно расценивать как результат известного давления на нанкинское правительство изнутри. Нью-йоркский корреспондент «Обсервера» (от 21 июля) сообщает, что предполагавшиеся якобы частные займы Китаю в размере 120 млн. фунтов стерлингов для развития ж.-д. строительства в стране не смогут быть реализованы до выяснения вопроса о КВЖД и что представитель займополучателей, известный Бронсон Ри, сидит в Вашингтоне, ожидая дальнейшего развития событий. Одновременно «Обсервер» в инспирированных Америкой сообщениях распространяет ложные сведения о том, что СССР якобы пытался продать свою долю на КВЖД Японии.

Отношение Японии к захвату КВЖД было двойственное. С одной стороны, она экономически выигрывает от создавшегося положения. Весь экспорт и импорт Манчжурии и Монголии направляются по южно-манчжурской дороге [1].

Но такая выгода становится очень сомнительной, если учесть опасность для судьбы ЮМЖД такого прецедента, как захват КВЖД, тем более, что за актом захвата стоят американские империалисты. Понятно поэтому, что роль Японии в советско-китайском конфликте вначале была выжидательной и настороженной по отношению к Соед. Штатам. Самая попытка американского правительства почти немедленно после возникновения конфликта за-

---

[1] Согласно данным «Japan Advertiser» от 25 июля экспорт равен 180 млн. иен, а импорт—130 млн. иен в год. До конфликта японская доля во внешней торговле, однако, тоже была велика и равнялась 80—85%.

затить инициативу в вопросе о КВЖД была воспринята в Японии
большой неприязнью. Токийский корреспондент газ. «Таймс»
т 24 июля) сообщает, что официальное разъяснение японского
инистерства иностранных дел в связи с конфликтом на КВЖД
ласит: «В четверг Стимсон принял Дебучи, японского посла,
в пятницу барон Шидехара, министр иностранных дел, принял
ветского и китайского посла, напомнив им о пакте Келлога и по-
ветовав им мирно разрешить конфликт. Эти действия Шидехара
ыли приняты независимо от Вашингтона». И дальше: «В четверг
осле полудня в Вашингтоне—это значит в пятницу утром в То-
но. Если принять в соображение время, необходимое для расши-
ровки телеграммы, то весьма вероятно, что Шидехара действовал
аньше, чем он знал что-либо о заявлении Стимсона».

Это стремление точно установить, кто раньше сослался на пакт
еллога — Стимсон или Шидехара, великолепно иллюстрирует
апряженность отношений между Америкой и Японией в вопро-
ах инициативы. Решительно вся японская пресса резко откликну-
ась на выступление Стимсона, причем не по существу его пред-
ожений, а именно потому, что Америка берет на себя инициативу
мешательства в то время, как самой заинтересованной среди вели-
их держав в этом вопросе является Япония.

Формально японское правительство сохраняет выжидатель-
ную позицию. Им были сделаны заявления, что оно не пропустит
китайских войск по территории ЮМЖД. Не подлежит, однако,
омнению, что создавшееся в Манчжурии положение дает воз-
ожность японскому правительству вновь пытаться приобрести
влияние на группу Чжан Сюэ-ляна.

Это облегчается тем, что новый японский кабинет отмежевался
от политики Танака, ответственного за весь курс, приведший
к убийству Чжан Цзо-лина. Такая возможность становится еще
более реальной в связи с антагонизмом между Нанкином и Мук-
деном.

Таким образом возможно, что в то время, как Нанкин продол-
жает оставаться орудием американской политики в Китае, Мукден
в связи с конфликтом на КВЖД снова превращается в орудие,
главным образом, японского влияния.

События самого последнего времени (заявление Нанкина от
28 августа о готовности начать переговоры, одновременное усиле-
ние агрессивных действий на наших границах и отмежевание Стим-
сона от интервью Мантеля) свидетельствуют о стремлении Америки
и Нанкина создать впечатление о возможности мирного разреше-
ния конфликта.

Они считают, что, создавая такую атмосферу, легче разрешить
конфликт за счет СССР и держать в стороне другие империали-
стические державы.

Инсинуации У Чжао-чу на конференции Лиги наций проти СССР и провокационные действия китайских милитаристов н Пограничной и Манчжурии, должны по мнению империалистов Нанкина и Мукдена, разными способами вести к одной и той ж цели — устрашению СССР.

Конфликт на КВЖД затягивается; он опасен, конечно, н только тем, что мукденцы непрерывно и лихорадочно мобилизую войска у наших границ. Опасность кроется именно в общей обста новке, создавшейся в Китае со времени конфликта.

До конфликта Соед. Штаты Америки упорно шли по пут консолидации сил китайской контрреволюции через посредств Нанкина.

Английские, японские и французские империалисты оказы вали сопротивление политике Соед. Штатов, опираясь в своей борьбе на гуаньсийскую клику и северных милитаристов.

Пейпинская конференция была хотя и вынужденным, но круп ным маневром со стороны Нанкина. Однако захват КВЖД явившийся результатом конференции, пере дышки Нанкину не дал, а, наоборот, воспроизве на расширенной базе все те противоречия, кото рые привели к конфликту.

Соед. Штаты в известной мере отброшены назад по сравне нию с тем положением, какое они занимали до пейпинской конфе ренции, когда Нанкину все же принадлежала руководящая роль в деле консолидации контрреволюционных сил. Авантюра на КВЖД не усилила, а ослабила нанкинское правительство.

Это означает, что ослабело орудие американского влияния в Китае и что в связи с этим можно ожидать дальнейших махи наций и опасных авантюр со стороны американских империали стов.

Японские и английские империалисты в свою очередь не могут не пытаться перейти в наступление на Китай, воспользовавшись конфликтом на КВЖД, с тем, чтобы оттеснить американскую ини циативу. Для них ослабление позиций Нанкина создает лучшие возможности, чем те, которые они имели в Китае за последние два года.

Таким образом, затягивающийся конфликт на КВЖД неми нуемо развязывает силы для общего наступления империалистов на Китай, но одновременно усиливает также борьбу между ними.

Такая ситуация угрожает Советскому Союзу тем, что импе риалисты будут пытаться найти выход из положения не только за счет Китая, но и за счет СССР.

Самые последние сведения из Китая, свидетельствующие о формировании блока против Нанкина из всех враждебных ему сил под идейным руководством «левого» Гоминдана (Ван Цзин

ей), обвиняющего Нанкин в предательстве интересов нации и
кажении принципов сунятсенизма, подтверждает лишь, что
нфликт на КВЖД еще раз бросил свет на то положение, что
итайская контрреволюция не может консолидировать свои силы
что Нанкин в результате конфликта на КВЖД переживает боль-
ий кризис, чем за все время своего существования. Разумеется
кже, что «левые» гоминдановцы никакой самостоятельной роли
грать не могут, а явятся (и являются) орудием в руках мили-
ристов. И борьба против них со стороны компартии, рабочих
асс и крестьянства должна быть такой же решительной, как
против Нанкина. Не подлежит сомнению, что эти новые собы-
ия при общем кризисе (даже буржуазия перестает оказывать
оддержку Нанкину: отказ от реализации 70-миллионов займа
а «сокращение армии») могут стать началом перехода рабоче-
рестьянских масс под руководством компартии к решительной
орьбе против всего контрреволюционного лагеря.

ДОКУМЕНТАЦИЯ

НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Москва, 13 июля 1929 г.

Господину Ся Вей-Сун,
поверенному в делах Китайской республики.

Господин поверенный в делах.

По поручению правительства Союза советских социалистических республик прошу сообщить мукденскому правительству и национальному правительству Китайской республики в Нанкине нижеследующее:

По сведениям, полученным правительством СССР, 10 июля, утром китайские власти, произвели налет на КВЖД и захватили телеграф КВЖД по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР, закрыли и опечатали без объяснения причин торговое представительство СССР, а также отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота. Затем дубань дороги (председатель правления КВЖД) Люй Чжун-хуан предъявил управляющему КВЖД Емшанову требование передать управление дороги лицу, назначенному дубанем. Когда управляющий дорогой Емшанов отказался выполнить это незаконное требование, являющееся грубым нарушением соглашения о временном управлении КВЖД, заключенного в городе Пекине 31 мая 1924 года, а равно соглашения между правительством СССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской республики, заключенного в Мукдене 20 сентября 1924 года, он был отстранен от исполнения своих обязанностей, так же как и помощник управляющего дорогой Эйсмонт. При этом оба они были заменены лицами, назначенными дубанем. Начальники служб тяги, движения и другие лица, по приказу того же дубаня, были отстранены и заменены главным образом русскими белогвардейцами. По всей линии КВЖД были закрыты и разгромлены профессиональные и кооперативные организации рабочих и служащих дороги, а равно были произведены обыски и аресты, при чем было арестовано более 200 граждан СССР — рабочих и служащих железнодорожников. Около 60 советских граждан, в том числе Емшанов и Эйсмонт, уже высланы из пределов Китая.

Одновременно получены сведения о сосредоточении вдоль советских границ манчжурских войск, которые приведены в боевую готовность и подвинуты к самой границе. По сведениям, вместе с манчжурскими войсками у границ СССР расположены русские белогвардейские отряды, которые манчжурское командование намерено перебросить на советскую территорию.

Вышеозначенные действия представляют собой самое очевидное и самое грубое нарушение прямых и недвусмысленных постановлений существующих договоров между СССР и Китаем, и эти нарушения не становятся менее вопиющими от того, что дубань дороги в своем объявлении сам ссылается на обязанность представителей сторон на КВЖД строго соблюдать договоры, пытаясь замаскировать этой ссылкой свои явно незаконные действия.

Как явствует из статьи 1-й соглашения о временном управлении КВЖД от 31 мая 1924 года и из аналогичной статьи 1-й, п. 6-го мукденского соглашения, все вопросы, относящиеся к КВЖД, обсуждаются и разрешаются правлением из 10 лиц, а «решения правления вступают в силу, если они одобрены не менее чем 6-ю членами правления», при чем председатель правления — китайский гражданин и помощник председателя — советский гражданин «совместно заведуют делами правления и оба подписывают все документы правления».

Таким образом, самый факт издания дубанем одностороннего приказа за своей единоличной подписью и без согласования как с правлением, так и с помощником дубаня — советским гражданином придает этому его акту явно незаконный характер, не говоря уже о том, что этот акт в корне нарушает установленный договорами принцип паритетности.

Согласно ст. 3 того же пекинского соглашения и ст. 1, п. 8 мукденского соглашения, «управление дороги лежит на управляющем — гражданине СССР и двух помощниках управляющего, из которых один должен быть из граждан СССР, а другой — из граждан Китайской республики. Указанные должностные лица назначаются правлением и утверждаются правительствами по принадлежности».

Их права и обязанности определяются правлением, которое назначает также начальников и помощников начальников различных управлений дороги.

Таким образом, смещение управляющего дорогой распоряжением дубаня и его замена, хотя бы временная, китайским гражданином, а также одностороннее смещение помощника и ряда должностных лиц дороги нарушает основные постановления соглашений 1924 года и в корне изменяет тот режим управления дорогой, который был установлен по соглашению правительств СССР и Китая и зафиксирован в действующих между ними договорах. Это ничем не оправдываемое нарушение носит тем более вопиющий характер, что, как явствует из цитированных выше статей договоров, назначение, а, следовательно, и увольнение названных должностных лиц является прерогативой правления в его целом и не может быть осуществлено иным порядком, а, в особенности, односторонними единоличными распоряжениями дубаня. Дубань в своем объявлении ссылается на приказ, отданный им управляющему Емшанову относительно проведения в жизнь целого ряда требований китайской стороны, касающихся порядка управления дорогой. Однако, управляющий дорогой является исполнительным органом всего правления в целом и не может исполнять приказов дубаня или его заместителя, если они не исходят от самого правления за подписями председателя и его товарища, как того требует статья 1-я, п. 6-й мукденского соглашения 1924 года. Сама ссылка на невыполнение управляющим каких-то единоличных распоряжений дубаня лишь подтверждает незаконный характер действий этого последнего.

По духу и букве пекинского и мукденского соглашений 1924 года КВЖД является объектом совместного управления между СССР и Китаем, при чем КВЖД может перейти в собственность Китая или по истечении срока, установленного договором, или же до истечения этого срока в порядке выкупа дороги Китаем по соглашению сторон. Между тем как изложенные выше незаконные действия дубаня КВЖД, санкционированные

китайским правительством, означают на деле захват КВЖД и попытк односторонней отмены существующих договоров.

Соглашения 1924 года устанавливают совершенно определенный по рядок урегулирования всех спорных вопросов касающихся дороги. Со гласно статьи 6-й соглашения от 31-го мая 1924 года и статьи 1-й, п. 1 мукденского соглашения, «все вопросы, по которым правление не може притти к соглашению, должны быть переданы на рассмотрение правительст договаривающихся сторон для справедливого и дружественного разре шения». Каждая из сторон имеет, таким образом, полнейшую возможност поставить перед другой стороной любой вопрос в совершенно законно и нормальном порядке и добиваться осуществления своих требований Однако, китайская сторона и в этом случае, как и в некоторых предше ствующих ему случаях, как, например, при захвате телеграфной станции предпочла путь односторонних и незаконных действий, не только нару шающих, но и опрокидывающих действующие между СССР и Китае договоры.

Констатируя, что указанные выше действия дубаня КВЖД предста вляют грубое нарушение существующих между СССР и Китаем догово ров, правительство СССР заявляет самый решительный протест по повод этих действий и обращает внимание мукденского правительства и наци нального правительства Китайской республики на чрезвычайную серьез ность положения, которое создано этими действиями.

Союзное правительство давало неоднократные доказательства своег миролюбия и дружественного отношения к Китаю и к той борьбе, которую китайский народ вел и ведет за уничтожение неравноправных договоров и восстановление суверенитета Китая. Правительство СССР было первым правительством, которое заключило с Китаем договор на началах равен ства и уважения суверенитета Китая. Правительство СССР само, по свое инициативе, еще в 1919 году обратилось к китайскому народу с декларацией в которой заявило о своей готовности уничтожить все неравные договоры заключенные между Китаем и царской Россией. В договоре 1924 года эт свои заявления правительство СССР реализовало. Правительство СССР добровольно отказалось в пользу Китая от концессий в Тянь-Цзине и Ханьк коу. Оно добровольно отказалось от консульской юрисдикции и экстер риториальности для своих граждан в Китае. Оно по собственной же ини циативе отказалось от боксерской контрибуции, передав ее на дело про свещения китайского народа. Наконец, оно так же добровольно отказалось от всех тех привилегий, которые были предоставлены России на КВЖД а именно от права иметь в Китае свои войска, полицию, суд и от другие военно-административных функций, которые до того были прерогативой русских властей на КВЖД и во всей полосе отчуждения этой дороги Этот отказ от всех привилегий, которыми пользуются до сих пор ино странные государства, с которыми Китай находится в нормальных отно шениях, был проявлением социалистического характера внешней поли тики Советского государства. Заключение договора 1924 года между СССР и Китаем было встречено с величайшим сочувствием во всех частях Ки тая, ибо этот договор впервые осуществляет принцип равенства сторон и полного суверенитета Китая.

Из изложенного выше явствует, что если китайские власти имели какие-либо претензии в отношении установленного на дороге режима, дей ствий отдельных представителей СССР на дороге или даже в отношении установленных договорами прав на КВЖД, вплоть до сокращения срока договора и досрочного выкупа КВЖД, то эти власти имели полную и пред усмотренную договорами возможность в законном порядке предъявить правительству СССР любую свою претензию.

Союзное правительство констатирует, что в вопросах, касающихся КВЖД, оно неизменно проявляло готовность к дружественному урегули-

ованию любого спорного момента. Не далее, как 2 февраля, в ноте, врученной генеральным консульством СССР в Мукдене центральному дипломатическому управлению Трех Восточных Провинций Китая, правительство СССР заявляло, что оно «считает крайне желательным, чтобы все спорные вопросы и в частности вопросы, касающиеся режима дороги, которые оставались неразрешенными в течение прошлых лет, вызывали недоразумения и осложняли нормальную работу дороги, были подвергнуты обсуждению и разрешению в целях устранения возможных недоразумений и конфликтов». Это предложение, свидетельствующее о том, насколько правительство СССР готово итти навстречу разумным пожеланиям китайской стороны, давало возможность китайскому правительству поставить на обсуждение любой из интересующих его вопросов. Китайская сторона, однако, не пожелала воспользоваться возможностью, которую открывало предложение союзного правительства от 2 февраля с. г., и это предложение осталось без ответа. Равным образом не последовало ответа и на телеграмму, посланную 11 с. м. за подписью Народного комиссара путей сообщения СССР в адрес председателя правления КВЖД с заявлением о готовности немедленно обсудить все спорные вопросы и с сообщением, что переговоры по этим вопросам поручаются Народным комиссариатом путей сообщения СССР члену его коллегии Серебрякову.

Все эти факты исчерпывающим образом свидетельствуют о полной несостоятельности ссылок в упомянутом объявлении дубаня КВЖД на якобы имевшие место бесплодные попытки китайской стороны урегулировать спорные вопросы.

Изложенную выше политику мирного и дружественного разрешения всех спорных вопросов и политику уважения к суверенным правам Китая, которая является коренным отрицанием основ империалистической политики буржуазных государств, нынешние китайские власти склонны, повидимому, расценивать не как политику, вытекающую из самой природы советской власти, а как проявление ее слабости. Очевидно, именно поэтому китайские власти позволяют себе ряд грубо-насильственных и провокационных действий в отношении СССР, злоупотребляя его миролюбием. Союзное правительство вынуждено поэтому напомнить китайским властям, что оно располагает достаточными средствами, необходимыми для того, чтобы оградить законные права народов СССР от каких бы то ни было насильственных посягательств.

Оставаясь верным своей мирной политике, союзное правительство, несмотря на насильственные и провокационные действия китайских властей, еще раз изъявляет готовность вступить с Китаем в переговоры по всему комплексу вопросов, связанных с КВЖД. Такие переговоры возможны, однако, только при условии немедленного освобождения арестованных граждан СССР и отмены всех незаконных действий китайских властей.

В соответствии с этим союзное правительство предлагает:

1) Созвать немедленно конференцию для урегулирования всех вопросов, связанных с КВЖД.

2) Китайские власти немедленно отменяют все самочинные действия в отношении КВЖД.

3) Все арестованные советские граждане немедленно освобождаются, и китайские власти прекращают все преследования и притеснения в отношении как советских граждан, так и советских учреждений.

Союзное правительство предлагает мукденскому правительству и национальному правительству Китайской республики взвесить те серьезные последствия, которые будет иметь отклонение этого предложения СССР.

Союзное правительство заявляет, что оно в течение трех дней буде ожидать ответа китайского правительства на изложенное выше предл жение и предупреждает, что в случае неполучения удовлетворительног ответа, оно будет вынуждено прибегнуть к другим средствам защит законных прав СССР.

Примите и проч.

Л. Карахан

ОТВЕТНАЯ НОТА НАНКИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Господин Народный комиссар.

Имею честь довести до вашего сведения нижеследующую телеграмм министерства иностранных дел Китайской республики, полученную мно сегодня, 17 июля:

«Расшифровка вашей телеграммы от 14 июля закончена только се годня. Приказываем вам перевести на русский язык и передать Народном комиссару по иностранным делам Союза советских социалистических ре публик в письменной форме нижеследующий ответ на его ноту от 13 сен июля:

«С тех пор, как в 1924 году заключено было китайско-советское со глашение, дипломатические отношения между двумя государствами дей ствительно окрепли.

На основе обыкновенного дружелюбия отношения китайского прави тельства и его народа к советскому правительству и его народу всегд проникнуты были духом равенства и искренней взаимной помощи. Н за последнее время в пределах Китая неоднократно были обнаружен как организованная пропаганда, так и ее работы, направленные к тому чтобы подтолкнуть китайский народ к разрушению китайского обществен ного устройства, и к тому, чтобы народ был против китайского правитель ства. Последнее, вынужденное этим, не могло не принять надлежащих ме к поддержанию общественного порядка китайского государства.

Но этот раз обыск в помещении советского консульства в Харбин и меры в отношении КВЖД произведены были властями Трех Восточны Провинций со специальной целью — устранить могущие внезапно вспых нуть нарушения покоя и порядка, при чем власти вынуждены были при нять необходимые меры экстренно и проявили наивысшую осторожность чтобы сфера действий не захватила большего пространства.

Правительство Китайской республики неоднократно получало до клады местных властей Трех Восточных Провинций о том, что управляю щий КВЖД и важные сотрудники этой дороги из советских граждан не соблюдали и не соблюдают точно временного соглашения 1924 г. о КВЖД с самого начала и до сих пор. В течение последних лет управляющий и другие совершали такую массу противозаконных поступков, выходящих за пределы их власти, что нет возможности перечислить таковые по ступки. Таким образом и китайские сотрудники КВЖД, желающие соблю дать соглашение и выполнять по нему свои обязанности, лишены воз можности осуществлять соглашение, а тем более советские сотрудники пользующиеся советскими учреждениями в данной местности, ведут тай ным путем пропаганду, нарушающую китайско-советское соглашение. По этим причинам местные власти Трех Восточных Провинций не могли не принять в отношении КВЖД данных мер.

Ясно и понятно, что ответственность за нарушение китайско-совет ского соглашения не лежит на нашей стороне.

По имеющимся у министерства иностранных дел сведениям, получен ным от свего посольства и консульства в СССР, Государственное полити ческое управление Советского Союза без всяких причин арестовало и дер жит под арестом не менее тысячи наших эмигрантов и торговцев. Пребы

ающие в пределах СССР наши граждане задавлены действиями совет-кой стороны, и лишенных возможности существования еще большее оличество.

Одновременно советские эмигранты и торговцы, проживающие в Ки-ае, и находящиеся здесь советские коммерческие учреждения пользуются о стороны правительства Китайской республики гостеприимством и вели-одушием и всем им предоставлены большие удобства. В отношении ка-их-либо советских граждан в Китае не чинилось никаких препятствий и никогда не применялось односторонней несправедливости. И если на тот раз власти Трех Восточных Провинций произвели аресты советских граждан и опечатали советские учреждения, то исключительно в целях странить противодействующую пропаганду и поддержать необходимый бщественный порядок и спокойствие.

Правительство Китайской республики, хотя и не считает нижеследу-ющие пункты условием, но если советское правительство, во-первых, осво-бодит всех арестованных Государственным политическим управлением итайских граждан и предоставит им возможность возвратиться на родину, ие включая сюда тех, кои освобождены по поручительству посольства и консульств с разрешением проживать в пределах СССР, и, во-вторых, если всем нашим гражданам, торговцам и обществам будет гарантирована олжная и необходимая защита, то в подходящий момент дано будет соот-ветствующее отношение ко всем опечатанным советским учреждениям.

Одним словом, правительство Китайской республики и его народ отно-сятся к советскому правительству и его народу с надеждой, что советское правительство сознательно исправит свои неправильные действия, совер-шенные в прошлом времени, а в отношении данного дела необходимо, чтобы советское правительство с уважением относилось к суверенитету Китая и его законам и не делало предложений, отрицающих существующие факты.

Правительство Китайской республики намерено отдать приказ своему посланнику г-ну Чжу Шау-ян по пути его возвращения к месту своей службы остановиться в Харбине и все расследовать.

Все дела, касающиеся взаимоотношений СССР и Китая и отношений с КВЖД, могли бы быть своевременно и совместно с Народным комиссари-атом по иностранным делам Союза советских социалистических республик разрешены по справедливости и закону.

Министерство иностранных дел Китайской республики, город Нанкин, 16 июля».

Примите, господин Народный комиссар, уверения в моем совершенном к вам уважении

Ся Вей-сун

НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Москва, 17 июля 1929 г.

«Господин поверенный в делах.

Подтверждая получение вашей ноты от 17 июля с. г., содержащей ответ китайского правительства в Нанкине на ноту союзного правитель-ства от 13 июля с. г., имею честь сообщить вам от имени правительства СССР нижеследующее:

Союзное правительство считает ответ китайского правительства не-удовлетворительным по содержанию и лицемерным по тону. Желая вос-становить правовую базу во взаимоотношениях между СССР и Китаем, нарушенную китайскими властями, союзное правительство выдвинуло

в своей ноте от 13 июля три минимально необходимых и совершенно умеренных предложения:

1) Отмену односторонних и совершенно незаконных действий китайских властей на КВЖД, нарушающих существующее соглашение между СССР и Китаем;

2) прекращение репрессий против советских граждан и советских учреждений;

3) созыв конференции сторон для урегулирования всех вопросов, связанных с КВЖД.

Китайское правительство в ответ на предложение правительства СССР по сути дела отвергло эти предложения.

Вместо восстановления пекинского и мукденского соглашений, односторонне отмененных китайскими властями, и сохранения таким образом базы для добрососедских отношений, нота китайского правительства санкционирует одностороннюю отмену этого соглашения и тем самым уничтожает возможность нормальных отношений между обоими государствами.

Вместо отмены незаконных действий дубаня КВЖД, насильственно отстранившего от должности официальных лиц, назначенных правлением по представлению СССР, нота китайского правительства санкционирует эти незаконные действия, оправдывая тем самым захват КВЖД.

Вместо прекращения незаконных репрессий против советских граждан и советских учреждений, нота китайского правительства санкционирует эти репрессии и лицемерно пытается оправдать их фальшивой ссылкой на якобы массовые репрессии в отношении китайских граждан в СССР, хорошо зная, что репрессии применяются в СССР лишь в отношении ничтожной группы шпионов, опиоторговцев, содержателей притонов, контрабандистов и прочих уголовных элементов из китайских граждан.

Вместо прямого согласия на немедленный созыв конференции сторон для урегулирования всех конфликтных вопросов нота китайского правительства обходит этот вопрос, отвергая тем самым предложение СССР о конференции и уничтожая таким образом возможность урегулирования конфликта путем соглашения сторон.

Ссылка ноты китайского правительства на пропаганду как на причину незаконных действий китайских властей лжива и лицемерна, ибо китайские власти располагают на своей территории достаточными средствами, чтобы не допускать и пресекать такую деятельность, если бы она на самом деле имела место, без того, чтобы захватывать КВЖД и разрывать существующие между Китаем и СССР договорные отношения.

Действительная подоплека насильственных действий китайских властей на КВЖД и ноты китайского правительства от 17 июля, санкционирующей эти насилия, становится особенно ясной из официальной декларации главы Китайского государства господина Чан Кай-ши, опубликованной в печати. В этой декларации г. Чан Кай-ши, говоря о незаконных действиях китайских властей на КВЖД и оправдывая эти их действия, прямо заявляет: «Наши шаги, направленные к тому, чтобы взять КВЖД в свои руки, не содержат в себе ничего необычного... Мы хотим сначала взять в свои руки КВЖД, а потом приступить к обсуждению других вопросов». Эти заявления господина Чан Кай-ши не оставляют никакого сомнения насчет действительной подоплеки ноты китайского правительства от 17 сего июля.

Союзное правительство констатирует в виду этого, что уже исчерпаны все средства, необходимые для урегулирования путем соглашения спорных вопросов и конфликтов на КВЖД, вызванных китайскими властями и усугубленных нотой китайского правительства от 17 июля.

На основании вышеизложенного, союзное правительство вынуждено принять следующие меры, возлагая всю ответственность за последствия на китайское правительство:

1. Отозвать всех советских дипломатических, консульских и торговых представителей с территории Китая.

2. Отозвать всех лиц, назначенных союзным правительством на КВЖД, с территории Китая.

3. Прекратить всякую железнодорожную связь между Китаем и СССР.

4. Предложить дипломатическим и консульским представителям Китайской республики в СССР немедленно покинуть пределы Союза ССР.

Вместе с тем союзное правительство заявляет, что оно сохраняет за собою все права, вытекающие из пекинского и мукденского соглашений 1924 года.

Примите и проч. **Л. Карахан.**

ОБМЕН ПИСЬМАМИ МЕЖДУ СССР и МУКДЕНОМ

1 августа с. г. зам. Народного комиссара по иностранным делам т. Караханом было получено от главы мукденского правительства г. Чжан Сюэ-ляна письмо, переданное по телеграфу со ст. Даурия.

Ниже приводятся текст этого письма и ответ на него.

Письмо председателя мукденского правительства ген. Чжан Сюэ-ляна заместителю Нар. комиссара по иностранным делам т. Л. М. Карахану.

Милостивый государь господин Карахан!

После обмена мнений между генеральным консулом г. Мельниковым и комиссаром по иностранным делам г. Цай, последний поехал в Мукден, сделал доклад. КВЖД есть совместное коммерческое предприятие, двухгосударственное, урегулирование пекинским и мукденскими соглашениями. Дабы разрешить существующее недоразумение, предлагается три следующих предложения: первое — китайское правительство и правительство СССР назначают каждое своего представителя для созыва конференции по вопросам КВЖД. Второе — существующее положение на КВЖД признается временным, подлежащее урегулированию после конференции, на основании пекинского и мукденского соглашений. Третье — арестованные граждане СССР официальным порядком освобождаются и выселяются в СССР. Арестованные в СССР китайцы также должны быть освобождены. По поводу этих трех пунктов прошу дать телефонный ответ.

С совершенным почтением **Чжан Сюэ-лян.**

29 июля.

Ответ зам. Народного комиссара по иностранным делам т. Л. М. Карахана председателю мукденского правительства ген. Чжан Сюэ-ляну.

Милостивый государь, господин Чжан Сюэ-лян.

22 июля 1929 года комиссар по иностранным делам г. Цай по его просьбе был принят генеральным консулом СССР в Харбине г. Мельниковым и заявил последнему, что он только прибыл из Мукдена и имеет поручение мукденского правительства сделать в целях урегулирования советско-китайского конфликта на КВЖД нижеследующие предложения:

1) Арестованные советские рабочие и служащие освобождаются.

2) Правительство СССР назначает управляющего КВЖД и его помощника.

3) Созывается конференция уполномоченных обоих правительств, которая в кратчайший срок урегулирует конфликт на КВЖД.

4) Советское правительство может заявить о том, что существующий после конфликта порядок им не признается и ни к чему на предстоящих переговорах не обязывает, и

5) Если советское правительство согласится с этими предложениями, то г. Чжан Сюэ-лян запросит соглашение нанкинского правительства на эти предложения.

Господин Мельников отказался обсуждать эти предложения господина Цая, указав, что он не имеет на это никаких полномочий и что точка зрения союзного правительства выражена в его ноте от 13 июля. Однако, в виду просьбы г-на Цая довести об этом предложении до сведения союзного правительства, г-н Мельников передал предложение мукденского правительства в Народный комиссариат иностранных дел.

Союзное правительство, руководствуясь своей миролюбивой политикой и не желая оставить неиспользованной и эту возможность урегулирования конфликта путем соглашения, пошло на уступку и поручило г-ну Мельникову в Харбине дать г-ну Цаю для передачи вам, как главе мукденского правительства, нижеследующий ответ:

«а) После имевших место захватных действий китайских властей на КВЖД союзное правительство не может отнестись с доверием к предложениям, поступившим от мукденского правительства через комиссара по иностранным делам г. Цая.

б) В случае, однако, если нанкинское или мукденское правительство официально сделает правительству СССР внесенные от имени г-на Чжан Сюэ-ляна предложения, а именно:

1) освобождение арестованных советских рабочих и служащих;

2) назначение правительством СССР управляющего КВЖД и его помощника;

3) созыв конференции для урегулирования в кратчайший срок конфликта на КВЖД

и если, кроме того, пункт 4-й предложения мукденского правительства будет изменен следующим образом:

Обе стороны признают, что создавшееся после конфликта положение на КВЖД подлежит изменению в соответствии с пекинским и мукденским соглашениями 1924 г.,

то союзное правительство благожелательно отнесется к этим предложениям».

Этот ответ был сообщен г-ном Мельниковым г. Цаю в Харбине 25 июля в 4 часа дня.

30 июля с. г. г-н Цай прибыл на станцию Манчжурия и известил г-на Мельникова, находившегося уже на территории Советского Союза, о своем желании встретиться с ним для передачи предложения мукденского правительства.

1-го августа г-н Цай вручил г-ну Мельникову Ваше письмо на мое имя от 29 июля с. г., содержание которого мне передано по телеграфу.

Я вынужден констатировать, что предложение, изложенное в Вашем письме от 29 июля, существенно отличается от того предложения, которое по Вашему же поручению г. Цай сделал г. Мельникову 22 июля.

А именно, прежде всего в следующем:

Во-первых, в вашем письме совершенно выпущено предложение, сделанное от Вашего имени г. Цаем 22 июля о немедленном назначении правительством СССР управляющего КВЖД и его помощника;

во-вторых, вместо предложенной союзным правительством формулы, что создавшееся после конфликта на КВЖД положение подлежит изменению в соответствии с пекинским и мукденским соглашениями, в Вашем письме содержится предложение о легализации созданного путем насильственного захвата дороги нынешнего положения на КВЖД, являющегося очевидным нарушением пекинского и мукденского соглашений.

Таким образом, я должен констатировать, что вопреки своему собственному предложению от 22 июля мукденское правительство своим новым предложением срывает возможность урегулирования конфликта

путем соглашения, которое возможно лишь путем принятия предложения союзного правительства от 25 июля сенго года. Этим создается положение, чреватое новыми серьезными осложнениями, вся ответственность за которые целиком и полностью ложится на мукденское и нанкинское правительства.

Примите и прочее **Л. Карахан.**

1 августа 1929 г.

НОТА О СОВМЕСТНОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

28 августа с. г., в 4 часа дня, германский посол в Москве г. фон-Дирксен по его просьбе был принят вр. исп. об. Народного комиссара по иностранным делам т. М. М. Литвиновым и вручил ему, по поручению германского правительства, нижеследующие два документа, которые китайское правительство просило довести до сведения правительства СССР.

I. Вербальная нота, врученная китайской миссией в Берлине германскому министерству иностранных дел 27 августа

«Китайская миссия имеет честь заявить, что национальное правительство, руководимое всегда желанием сохранения мира и укрепления дружественных отношений с государствами, готово назначить уполномоченных для подписания прилагаемой декларации.

Китайская миссия будет весьма обязана имперскому правительству, если последнее любезно доведет до сведения советского правительства текст декларации».

II. Текст совместной декларации

«1. Обе стороны заявляют, что они разрешают все спорные между обеими сторонами вопросы в соответствии с соглашением 1924 г., а в особенности разрешат условия выкупа Китайско-Восточной жел. дор. в соответствии со статьей 9-й пекинского соглашения.

Обе стороны немедленно назначают надлежащим образом уполномоченных представителей на конференцию для разрешения всех спорных вопросов, упомянутых в предыдущем параграфе.

2. Обе стороны полагают, что положение на КВЖД, возникшее после конфликта, должно быть изменено в соответствии с пекинским и мукденским соглашениями 1924 г. в понимании того, что все такие изменения будут решены конференцией, предусмотренной предыдущей статьей.

3. Советское правительство рекомендует нового управляющего и нового помощника управляющего на КВЖД, которые будут назначены правлением означенной дороги.

Советское правительство проинструктирует железнодорожных служащих КВЖД советской национальности, чтобы они строго соблюдали условия, содержащиеся в ст. 6 соглашения 1924 года.

4. Обе стороны немедленно освободят всех арестованных в связи с настоящим инцидентом или после 1 мая 1929 г.».

III. Текст ответа СССР

29 августа с. г., в 6 час. вечера, вр. и. о. Народного комиссара по иностранным делам т. М. М. Литвинов принял германского посла в Москве г. фон-Дирксена и сообщил ему о готовности союзного правительства принять предложение китайского правительства о подписании совместной декларации в нижеследующей редакции:

«1. Обе стороны заявляют, что они разрешат все спорные между обеими сторонами вопросы в соответствии с соглашением 1924 г., а в особен-

ности разрешат условия выкупа КВЖД в соответствии с ст. 9 пекинского соглашения.

Обе стороны немедленно назначают надлежащим образом уполномоченных представителей на конференцию для разрешения всех вопросов, упомянутых в предыдущем параграфе.

2. Обе стороны полагают, что положение на КВЖД, возникшее после конфликта, должно быть изменено в соответствии с пекинским и мукденским соглашениями 1924 г. в понимании того, что все такие изменения будут решены конференцией, предусмотренной предыдущей статьей.

3. Советское правительство рекомендует управляющего и помощника управляющего на КВЖД, которые будут немедленно назначены правлением означенной дороги.

Советское правительство проинструктирует железнодорожных служащих КВЖД, являющихся гражданами СССР, а китайское правительство — свои местные власти и их органы, чтобы они строго соблюдали условия, содержащиеся в ст. 6-й соглашения 1924 г.

4. Обе стороны немедленно освободят всех арестованных в связи с настоящим инцидентом или после 1 мая 1929 г.».

ОТВЕТ НА ВЕРБАЛЬНУЮ НОТУ СССР

11 сентября 1929 г. Народным комиссариатом по иностранным делам СССР получена от германского посольства в Москве вербальная нота нижеследующего содержания:

«Германское посольство имеет честь препроводить при этом НКИД прилагаемую копию вербальной ноты китайского посланника министерству иностранных дел от 9 сентября с. г. с приложением памятной записки.

Копия вербальной ноты китайского посланника министерству иностранных дел от 9 сентября с. г.

«Китайская миссия имеет честь просить имперское правительство о любезности препроводить приложенную при сем декларацию в качестве ответа на сообщение советского правительства.

Женева, 9 сентября 1929 г.».

Ответ китайского правительства

«1. Национальное правительство Китая неоднократно изъявило свою готовность вступить в переговоры с советским правительством с целью достижения справедливого и приемлемого разрешения недавнего спора. Национальное правительство поэтому признательно советскому правительству за выражение с его стороны готовности подписать, по достижении соглашения между обеими сторонами, совместную декларацию, и полностью соглашается на то, чтобы предположенная конференция была открыта в возможно скором времени, дабы представители обеих стран могли притти к окончательному урегулированию всех вопросов, неразрешенных между обеими странами.

2. Национальное правительство не возражает против предложения советского правительства, чтобы в ст. 3 предположенной совместной декларации было вставлено слово «немедленно» перед словом «рекомендует», но, к сожалению, не видит возможности согласиться с предложением о назначении нового управляющего и помощника управляющего в качестве предварительного условия для подписания упомянутой декларации или для открытия конференции, поскольку такая процедура противоречила бы общему принципу, изложенному в ст. 2 проекта декларации, который уже был принят советским правительством.

3. Что касается других поправок, предложенных советским правительством, то национальное правительство придерживается того мнения, что они вполне могут быть оставлены для рассмотрения на предстоящей

конференции, если конференция решит в пользу предложенных поправок, то национальное правительство не будет возражать против их принятия.

4. Национальное правительство предлагает, чтобы конференция имела место в Берлине вместо Москвы, как это предлагалось советским правительством, и также надеется, что подписание намеченной совместной декларации представителей обеих сторон будет также иметь место в Берлине».

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Германский посол в Москве фон-Дирксен 13 сентября с. г. передал Народному комиссариату по иностранным делам новое дополнительное предложение китайского правительства к ответу китайского правительства, полученному НКИД 11 сентября.

Это дополнительное предложение было сделано министром иностранных дел китайского правительства г. Ван Чжен-тином советнику германского посольства в Нанкине г. Фишеру для передачи союзному правительству.

Текст альтернативного предложения китайского министра иностранных дел к первому абзацу 3-го пункта совместной декларации.

«Советское правительство рекомендует помощника управляющего Китайско-Восточной жел. дороги, который будет немедленно назначен правлением этой дороги и который совместно с китайским помощником управляющего будет управлять дорогой до завершения переговоров между обоими правительствами».

Вчера, 17 сентября с. г., Народным комиссариатом по иностранным делам вручена германскому посольству нижеследующая вербальная нота:

«Народный комиссариат по иностранным делам имеет честь при сем препроводить германскому посольству заявление правительства СССР от 17 сентября с. г. с просьбой к германскому правительству означенное заявление довести до сведения нанкинского правительства.

Москва, 17 сентября 1929 года».

Ответ СССР на дополнительное предложение.

«1. Союзное правительство, руководствуясь своей неизменной политикой мира, с готовностью приняло предложение китайского правительства о подписании совместной декларации.

2. Союзное правительство внесло в проект этой декларации, предложенный нанкинским правительством, лишь абсолютно необходимые, минимальные поправки и уточнения, вытекающие из п. 2-го самого нанкинского проекта (признание мукденского и пекинского соглашений). Выполнение условий, изложенных в этих поправках, союзное правительство с самого начала конфликта считало и считает элементарной предпосылкой работы конференции.

3. В своей ноте от 9 сентября с. г. нанкинское правительство отклоняет означенные минимальные поправки, тем самым аннулируя и данное им в проекте декларации согласие на назначение советского управляющего.

Это согласие, данное в п. 3 нанкинского проекта декларации, могло бы иметь значение и смысл лишь в случае немедленного назначения советского управляющего и его помощника. Высказываясь ныне против немедленного назначения этих лиц, нанкинское правительство берет назад свои собственные предложения и срывает улажение конфликта путем соглашения.

4. Такой же смысл отказа от своих собственных предложений имеет и дополнительное предложение нанкинского правительства, переданное союзному правительству 13 сентября с. г. через германского посла, где нанкинское правительство подменяет вопрос о советском управляющем дорогой и его помощнике вопросом о назначении одного лишь помощника.

в явном противоречии как с пекинским и мукденским соглашениями, так и с п. 3 своего собственного проекта совместной декларации.

5. В виду отклонения нанкинским правительством основных условий для подписания декларации и ведения переговоров, вопрос о месте переговоров становится беспредметным, и ответственность за дальнейшее развитие конфликта ложится полностью на нанкинское правительство».

Л. Карахан.

НОТА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Вчера, 25 сентября с. г., Народный комиссариат по иностранным делам вручил германскому посольству нижеследующее заявление с просьбой передать это заявление нанкинскому и мукденскому правительствам.

Союзное правительство не раз обращало внимание нанкинского и мукденского правительств на систематические провокационные нападения на территорию СССР со стороны вооруженных белогвардейских отрядов и китайских частей и на производимые этими отрядами и частями обстрелы советских пограничных частей и мирного населения.

Союзное правительство в своих заявлениях от 19 августа и от 9 сентября с. г. указывало на опасность положения, создаваемого действиями китайских властей, и на необходимость в качестве единственного средства предотвращения новых серьезных осложнений безотлагательного расформирования всех белогвардейских отрядов и принятия реальных и немедленных мер к прекращению и предупреждению новых нападений на советскую территорию со стороны китайских войск и белогвардейских банд. Союзное правительство указывало, что производимые с китайской стороны провокационные нападения вынуждают советские войска в порядке самозащиты принять решительные ответные действия, направленные к охране границ Союза и мирного населения пограничных районов.

Нанкинское правительство не опровергло и не может опровергнуть ни одного из фактов, перечисленных в заявлениях союзного правительства от 19 августа и 9 сентября с. г.

Тем не менее ни нанкинское, ни мукденское правительства не принимали и не принимают никаких мер, направленных к прекращению деятельности белогвардейских отрядов, сформированных китайскими властями и пользующихся в своих вооруженных выступлениях против СССР поддержкой китайских войск.

Вместо этого нанкинское правительство прибегает к даче извращенной информации о действительной обстановке на границе и без малейших к тому оснований решается протестовать против якобы имевших место агрессивных действий советских войск.

Что касается столкновений, имевших место на границе до 9 сентября с. г., в том числе и в районе Пограничной и Манчжурии, то все эти факты были уже исчерпывающим образом освещены в заявлениях союзного правительства от 19 августа и 9 сентября с. г.

Союзное правительство вынуждено вновь обратить самое серьезное внимание нанкинского и мукденского правительств на приводимые ниже новые случаи нападений и обстрелов китайскими и белогвардейскими отрядами советских пограничных частей и на участившуюся переброску на советскую территорию крупных диверсионных отрядов белогвардейцев, занимающихся грабежом мирного населения.

10 сентября в районе селения Поярково (в 100 километрах к северо-востоку от Благовещенска) советский пограничный катер был обстрелян ружейным огнем с китайского берега.

11 сентября в районе к югу от 86 разъезда китайские войска обстреляли охранение советских войск со стороны Джалайнора артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем. Убито 2 красноармейца и 1 мирный житель. Ранено 3 красноармейца и 2 мирных жителя.

11 сентября в районе 86 разъезда, в 8 километрах к северо-западу т ст. Манчжурия, китайскими солдатами был обстрелян артиллерийским ружейным огнем дозор пограничной охраны советских войск.

11 сентября в 6 ч. 30 мин. в районе ст. Гродеково, китайскими войками было обстреляно ружейным и пулеметным огнем сторожевое охранение советских войск. Огонь продолжался 30 мин. Убит 1 красноармеец, ранено 2.

11 сентября китайскими властями переброшены на территорию СССР анды белогвардейцев численностью около 300 человек. Эти банды действуют, главным образом, в пограничном районе Приморья. Как выяснилось из показаний захваченных в плен 17 сентября с. г. белогвардейцев, ти банды сформированы в Манчжурии по распоряжению китайских властей генералом Сахаровым. В состав сформированных банд входят преимущественно бывшие белые офицеры. Банды имеют задачу от китайского командования производить диверсионные действия на территории СССР.

12 сентября в 16 час. группа китайских солдат, перейдя границу, ыталась проникнуть за линию сторожевого охранения советских войск районе ст. Пограничная, но была отражена огнем советских войск.

12 сентября в 12 час. 30 мин. в районе ст. Манчжурия китайскими олдатами были обстреляны залповым и одиночным ружейным огнем оветские пограничные части.

12 сентября в районе деревни Луббе (в 150 километрах к северо-востоку от Нерчинского завода) китайские солдаты обстреляли пограничные части советских войск.

13 сентября в 8 километрах к северо-западу от селения Черняево китайские солдаты обстреляли ружейным огнем рыбаков — советских граждан.

14 сентября в 16 час. в 7 километрах к северо-востоку от ст. Пограничной группа китайских солдат перешла на территорию СССР. После перестрелки с пограничной охраной советских войск китайская часть отошла на свою территорию.

14 сентября китайскими солдатами были обстреляны ружейным и пулеметным огнем части пограничной охраны советских войск в районе в 4 километрах к северо-востоку от ст. Пограничная. Обстрел производился в течение продолжительного времени. Убит один мирный житель, ранено двое.

14 сентября в районе в 3 километрах к югу-востоку от ст. Пограничная китайские солдаты неожиданно открыли ружейный и пулеметный огонь по пограничным частям советских войск.

14 сентября китайские солдаты обстреляли пограничную заставу советских войск в районе селения Спасское.

14 сентября китайские кавалеристы в составе около 50 всадников открыли пулеметный и залповый ружейный огонь по населению Старо-Чурукатуевский (в 80—90 километрах к северо-востоку от ст. Манчжурия).

15 сентября 80 китайских солдат перешли на советскую территорию в районе деревни Волынка (в 22 километрах к северо-западу от ст. Гродеково) и обстреляли сильным ружейным и пулеметным огнем пограничные части советских войск.

15 сентября в районе ст. Маньчжурия китайские войска открыли артиллерийский и ружейный огонь по пограничным частям советских войск, расположенным в этом районе.

16 сентября в районе селения Ольгино (в 280 километрах к северо-западу от Благовещенска) обнаружена банда хунхузов в составе 100 человек. Банда производит грабежи и насилия среди мирного населения. В состав банды входят регулярные китайские войска.

16 сентября в 11 час. в районе в 7 километрах к западу от ст. Манчжурия китайские солдаты в составе роты пехоты и взвода конницы подо-

шли к границе СССР и оттуда открыли сильный ружейный и пулеметный огонь по дозору советских войск, стремясь одновременно окружить последний и захватить его в плен. Подошедшими советскими частями китайский отряд был оттеснен к границе.

18 сентября утром китайские солдаты обстреляли советский автотранспорт в районе 86 разъезда и поселка Абагатуевский. Обстрел с китайской стороны прекратился лишь после ответного огня советских войск.

18 сентября в 7 час. в 7 километрах к югу-востоку от разъезда 86 китайские солдаты обстреляли части пограничной охраны советских войск.

18 сентября в 13 час. 45 мин. в районе ст. Пограничная китайские солдаты открыли ружейный и пулеметный огонь по пограничным частям советских войск, которые ответным огнем заставили китайские части прекратить обстрел.

20 сентября в районе Пади Бугутур (в 10 километрах к северо-востоку от разъезда 86) пограничные части советских войск были обстреляны китайскими войсками ружейным и пулеметным огнем. Только после ответного огня со стороны советских войск китайские части прекратили обстрел.

20 сентября в районе Мучинского поста (в 85 километрах к югу от ст. Амазар) с китайского берега реки Аргуни был обстрелян частым ружейным огнем пограничный пост советских войск. Ранен 1 красноармеец.

20 сентября китайский отряд, перейдя из района ст. Пограничная на территорию СССР, напал на пограничную заставу советских войск. Нападение китайской части было отбито. Одновременно китайские части, расположенные в районе Санчагоу, открыли ружейную и пулеметную стрельбу, котоорая была прекращена ответным огнем.

20 сентября в районе селения Домосова (в 35 километрах северо-восточнее Нерчинского завода) на территорию СССР перешла банда белогвардейцев. В результате принятых советским военным командованием мер белая банда была разгромлена. Во время перестрелки ранен один красноармеец.

21 сентября в районе разъезда 86 пограничная застава советских войск была обстреляна с китайской стороны залповым ружейным и пулеметным огнем.

23 сентября в районе разъезда 86 китайские солдаты открыли ружейный и пулеметный огонь по расположению пограничных частей советских войск. После ответного огня с советской стороны обстрел был прекращен.

23 сентября со стороны гор. Илига (40 клм. юго-западнее Хабаровска) китайские солдаты обстреляли ружейным и пулеметным огнем советские пароходы и лодки на р. Амуре. После ответного огня с советской стороны китайские солдаты прекратили обстрел.

За последнее время китайское командование перебрасывает на территорию СССР хунхузские банды, имеющие в своем составе китайских солдат и офицеров и занимающиеся грабежом мирного населения. Такие банды разной численности были обнаружены с 10 по 24 сентября в районе г. Благовещенска, хутора Иннокентьевская и у устья реки Сунгари.

Как явствует из вышеприведенных фактов, нанкинское правительство, равно как и правительство мукденское не хочет и не считает нужным принять надлежащие меры к прекращению преступной деятельности своих местных властей, а также и действующих по заданиям этих властей китайских войск и белогвардейских отрядов.

В связи с этим союзному правительству остается лишь подтвердить, что вся ответственность за создавшееся положение и за возможные дальнейшие последствия, равно как за убытки, причиненные в приграничной советской полосе, ложится целиком и полностью на нанкинское и мукденское правительства и что союзное военное командование вынуждено будет и впредь принимать все необходимые меры для борьбы с вышеуказанными явлениями и для предотвращения их в дальнейшем.

Москва, 25 сентября 1929 года.

Издательство
Коммунистической
Академии

МОСКВА, ГСП 10,
ВОЛХОНКА, 14
ТЕЛЕФОНЫ:
4-17-95, доб. 13

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ КОПЕЕК